

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

КРОВНАЯ МЕСТЬ

В мире продано
более **50 миллионов**
книг Питера Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Две знаменитые в прошлом актрисы, отчаянные соперницы в борьбе за славу, одна за другой покончили с собой. Ничего необычного для богемного круга: крах карьеры спровоцировал психическое расстройство, приведшее к суициду... Во всяком случае, таково мнение лечащего врача, изложенное в коронерском отчете. Но у детектива-констебля Гленна Брэнсона нашлись веские основания не верить данной версии. Случайно ли это совпадение, или кто-то желал их смерти? Какие тайны связывали этих немолодых женщин? Кто умрет следующим? Ответы на эти вопросы предстоит найти Гленну Брэнсону и Аманде Кэпстик, продюсеру документального фильма о психиатрах, которая по воле судьбы оказалась в эпицентре зловещих событий.

Ранее роман издавался под названием «Одержимый».

Питер Джеймс

Кровная месть

* * *

Человек, не перегоревший в аду собственных страстей, не может их победить.

Карл Юнг

В надменном, стоящем особняком доме, который, не желая отставать от своих не менее щеголеватых соседей по Холланд-Парк-авеню, возвышался на четыре этажа и был отделен от прочих гравийной подъездной дорожкой и металлической оградой, Томас Ламарк, как и каждое утро, в точно определенное (до наносекунд) время – ровно в десять часов тридцать минут – принес завтрак своей матери.

Тридцатисемилетний Томас был очень хорош собой: рост шесть футов и шесть дюймов, привлекательная внешность и обаятельная улыбка. Сейчас Томас был облачен в шелковый халат из модного лондонского магазина «Либерти» и кожаные тапочки от «Гуччи»; посверкивая золотым «Ролексом» на запястье, он распространял запах одеколона «Живанши». Томас намеренно надел халат на голое тело: его матери было приятно осознавать, что у него под тонким шелком ничего нет.

На серебряном подносе стоял изящный чайник из тончайшего фарфора с заваренным чаем одного из самых лучших и дорогих сортов, а рядом – чашка и блюдце из того же сервиза. На подносе лежали свежий номер «Таймс» и одна белая, еще влажная от росы роза, которую Томас только что срезал в саду, – мама всегда любила его маленькие сюрпризы, а сегодня утром сын рассчитывал получить вознаграждение. И очень надеялся, что мать не обманет его ожиданий.

Томас остановился перед ее спальней. Все внутренние двери в доме смотрелись величественно: были обшиты деревянными панелями и белым атласом, имели хрустальные ручки. Но эта дверь на втором этаже, находившаяся прямо напротив последнего марша лестницы с резными перилами, выглядела царственнее всех остальных, что подчеркивал также стоявший на лестничной площадке бронзовый бюст его матери. Даже по прошествии стольких лет эта женщина по-прежнему приводила Томаса в священный трепет.

Правда, случались дни, когда ему хотелось швырнуть в нее подносом и закричать: «Отпусти меня!»; но сегодня он пребывал в ином настроении.

Томас посмотрел на часы, дождался, когда секундная стрелка завершит круг, и ровно в десять тридцать вошел в спальню матери.

Томас бодрствовал всю ночь, сидел перед компьютером, путешествуя по мировому киберпространству: отдыхать он отдыхал, но спал редко. По ночам Томас обычно играл в шахматы с человеком по имени Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, что в штате Флорида, или делился своими размышлениями о внеземных цивилизациях с участниками тематического чата в Сан-Франциско, или обсуждал череду загадочных смертей с автором статей из журнала «Фортиан таймс». Он просмотрел письма с нескольких медицинских сайтов, на чьи новости был подписан, обменялся рецептами с женщиной, живущей на берегу Чесапикского залива, изучил изменения на фондовых биржах по всему миру, заглянув на сайты соответствующих компаний, составил диаграмму роста акций в портфеле матери. Каждое утро он подкармливал ее брокера свежей информацией.

Его ай-кью равнялся 178.

Томас неслышно прошел по ковру, не в силах оторвать взгляд от лица матери; сердце его наполнилось восторгом и... еще одним, прямо противоположным чувством, с которым он боролся всю жизнь. Он поставил поднос на столик в изножье большой кровати с балдахином, отодвинул белое кружево и занавес из дамаста, потом закрепил его шнуром с

кисточкой на конце. В спальне пахло духами «Шанель» и маминой одеждой. Это были запахи его детства. Запахи его жизни.

Взволнованный, Томас уставился на мать.

Ее светлые волосы, разметавшиеся по подушке, сияли, словно лучи солнца. Сын знал, что она не откроет глаза и не пошевелится, пока он не поцелует ее, хотя уже наверняка не спит. Такая у них была игра.

И эти драгоценные секунды, когда она лежала по утрам, вся такая умиротворенная, такая милая и красивая, а он стоял и молча восхищался ею, – эти мгновения были жемчужинами его жизни.

Томаса охватил восторг. Мама сохранила красоту и в пятьдесят девять лет... ну просто ангельское видение. Ее бледное лицо – оно всегда было таким по утрам – сегодня казалось особенно бледным и чистым. Она была само совершенство, на такой изящной красоте и зиждется мироздание.

– Доброе утро, мамочка, – сказал Томас и подошел, чтобы поцеловать ее.

Мать никогда не открывала глаза до поцелуя. И сегодня утром ее глаза тоже оставались закрытыми.

Он только теперь заметил пустые блистеры от таблеток, разбросанные по полу у кровати. Пустой стакан на тумбочке.

Томас почувствовал, как внутри у него все вдруг оборвалось. Еще не успев наклониться, он понял: случилась беда. Вчера мама пришла домой расстроенная. У нее болела голова, и она рано легла.

Его губы ощутили холод ее щеки, вялость кожи. словно податливое тесто, которое прогибается, если на него надавить, и не возвращается к прежней форме.

– Мамочка? – Он услышал собственный голос и не узнал его.

На полу у кровати стоял пустой пузырек без крышки.

– Мамочка?

От паники у него помутилось в глазах, пол вдруг поднялся, комната качнулась, словно на океанской волне. Он обнял маму, попытался пошевелить ее и приподнять, но она окоченела, словно кусок мяса из морозилки.

Томас пронзительно вскрикнул, взял с пола пустую упаковку, попытался прочесть название лекарства, но перед глазами у него все расплывалось. Покрутил в руках пузырек, но и надпись на нем разобрать тоже не смог. Тогда он бросился к телефону, чуть не упал, схватил трубку и набрал 999.

– «Скорая»? – выпалил он, назвал адрес и номер телефона, а потом, перемежая слова отчаянными всхлипами, зачастил: – Пожалуйста, пришлите машину к моей матери! Глория Ламарк, актриса! Глория Ламарк. Глория Ламарк! Пожалуйста, пожалуйста, приезжайте поскорее! Она приняла слишком большую дозу лекарства.

Томас уронил трубку. Она упала на ковер, потом подскочила, повисла на проводе.

Диспетчер спокойно говорила ему:

– «Скорая» уже выехала. Пожалуйста, оставайтесь на линии, сэр. И постарайтесь ответить на мои вопросы. Пульс у нее прощупывается? Дышит она нормально? Вы в курсе, что именно она приняла? Как давно? Она лежит на спине? Если на спине, то, пожалуйста, поверните ее на бок. Вы не знаете, она принимала лекарства вместе с алкоголем? Успокойтесь, сэр: пока я говорю с вами, «скорая» едет. Не могли бы вы собрать таблетки и показать их врачам? Пожалуйста, убедитесь, что ее дыхательные пути свободны.

Томас обнял мать за шею и теперь прижимал к себе, захлебываясь рыданиями, глотая обильные слезы. Пульс у нее не прощупывался, она не дышала – уже несколько часов как не дышала. Он слышал лишь голос диспетчера службы скорой помощи – далекое крохотное эхо. Томас в ярости схватил трубку.

– Я, вообще-то, учился на медицинском факультете, ты, безмозглая сучка!

Он бросил трубку и снова прижал мать к себе.

– Мамочка, не поступай так со мной! Ты же обещала, что никогда меня не оставишь!

Вернись, пожалуйста, вернись, ты должна вернуться!

Он прижал губы к ее рту и постарался открыть его, но тот оставался закрытым, наглухо закрытым. Запертым на замок.

А ключи она выбросила.

Девушка улыбалась Майклу сквозь широкий прямоугольник звуконепроницаемого стекла, который разделял тесную радиостудию и не менее тесную аппаратную.

Девушку звали Аманда Кэпстик. Она работала продюсером независимой телевизионной компании, которая снимала документальный фильм о психиатрах. Двадцать девять лет, ниспадающие на плечи светлые волосы, хорошенькое личико и лукавая улыбка, которая проникает в самое его сердце.

Аманда стала первой женщиной, на которую Майкл Теннент взглянул дважды после того, как умерла его жена Кейти. А с тех пор прошло уже целых три года.

Он догадывался, почему так произошло: Аманда была немного похожа на Кейти, хотя внешне, казалось бы, являла собой совершенно иной тип. Кейти при росте пять футов девять дюймов отличалась стройностью и классической красотой. Аманда же была на добрых шесть дюймов ниже, а фигурой напоминала девчонку-подростка. И все же, когда она позвонила и попросила уделить ей полчаса, а на следующий день – это было три недели тому назад – пришла к нему в кабинет, искра снова затеплилась в сердце Майкла, хотя он и думал, что она давно уже погасла.

Кейти умела его развеселить. И Аманда тоже, по крайней мере один раз она вызвала у него улыбку.

Томас попытался не замечать девушку напротив, решив сосредоточиться на звонивших ему радиослушателях, но вдруг понял, что сегодня делает все ради Аманды Кэпстик, которая сидит за звуконепроницаемым стеклом в джинсовом костюме и белой футболке, со стильными часами на запястье.

Она стала его аудиторией. Стала еще три недели назад, хотя сегодня он и видел ее в первый раз после той коротенькой встречи. И сегодня только ее присутствие, и ничто другое, позволило Майклу забыть, пусть и на короткое время, тот кошмар, который начался со звонка одного из помощников coronера Вестминстера.

Аманда Кэпстик смотрела на сгорбившегося над своим пультом психиатра в огромных наушниках, видела выражение его лица, частично закрытого микрофоном – шаром из серой резины: глубоко сосредоточенное и серьезное, ну сли-и-ишком серье-е-езное. Доктор Теннент был красив: сквозь мужественный зрелый облик временами отчетливо проглядывали мальчишеские черты; пожалуй, к сорока годам он достиг пика привлекательности, сочетающей все преимущества юности и среднего возраста.

И одевается он соответствующим образом: костюм вроде бы непримечательный, но с модным воротником и ярким галстуком. Темно-каштановые волосы аккуратно зачесаны назад и зафиксированы с помощью геля; небольшие овальные очки в черепаховой оправе некоторые сочли бы претензией на моду, но Тенненту они придавали вид интеллектуала и... некий оттенок авантюризма.

«Ты прекрасно впишешься в мой документальный фильм», – думала Аманда. Ей импонировал этот обязательный, знающий себе цену человек. Но особенно девушке нравилась его открытость, полное отсутствие высокомерия. Столько врачей, а в особенности психиатров, уставали от своей профессии. Они, казалось, теряли интерес к пациентам, достигнув определенного предела, при котором удовлетворялись приобретенными знаниями

и не желали двигаться дальше.

Доктор Теннент явно был другим. Как странно он улыбается, словно бы преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, нарушая некий запрет. Аманда изучила его биографию и выяснила, что три года назад он потерял в автокатастрофе жену, – возможно, все еще скорбит по ней.

Еще она знала, что помимо этой программы, которая выходила в эфир на «Ток-радио» каждую среду, с семи до восьми часов вечера, доктор Теннент также вел еженедельную колонку по психиатрии в «Дейли мейл». Его особенно интересовали две патологии: обсессивно-компульсивное расстройство и дисморфофобия (научное название того, что журналисты именуют синдромом воображаемого уродства). Теннент регулярно мелькал в прессе и на телевидении: либо просто высказывал свое мнение, либо выступал в качестве эксперта на судебных слушаниях.

Три дня в неделю он принимал частных пациентов в Шин-Парк-Хоспитал близ Патни, а еще два – работал с пациентами, которых исследовали психиатры в Принцесс-Ройял-Хоспитал, больнице при Высшей медицинской школе. В упомянутом учебном заведении Теннент был почетным профессором. Он имел репутацию филантропа: делал пожертвования в пользу общественных организаций, оказывающих помощь людям, которые страдали фобиями и расстройствами. И еще он всегда шел навстречу больным: был готов снизить плату за свои услуги, если пациент не мог получить помощь Национальной службы здравоохранения или оплатить страховку.

Майклу так и не удалось узнать секрет, как устроиться поудобнее в этой студии-живописке. Тут либо стояла такая жара, что с него пот катил градом, либо от усиленно работающего кондиционера начинали слезиться глаза. Плохо пригнанные наушники постоянно соскальзывали. Кофе с каждым днем, казалось, становился слабее, а одноразовые стаканчики все сильнее воняли пластмассой. Да еще вдобавок у Майкла постоянно возникало искушение щелкнуть одним из выключателей пульта; ему стоило немалого труда не отвлекаться на качающиеся стрелочки – индикаторы громкости, не прикасаться к микрофону или к пульта, где висело написанное от руки предупреждение: «НЕ ВЫКЛЮЧАТЬ!»

Как правило, во время эфира Майкл не нервничал: просто расслаблялся, настраивался на работу и делал все, что в его силах, чтобы помочь людям в стрессовой ситуации, которые не знали, к кому еще обратиться за помощью. Но сегодня вечером его отвлекала Аманда. И еще доктор Теннент никак не мог выкинуть из головы страшную новость: одна из его пациенток, актриса, совершила самоубийство. Стало быть, он недоглядел, что-то упустил – Майкл чувствовал себя виноватым в случившейся трагедии.

Обычно ему казалось, что час передачи пролетал стремительно, но сегодня время ползло как черепаха. Вопросы задавали трудные, а он, пытаясь играть на публику и желая произвести впечатление на Аманду, утратил непосредственность и теплоту, обычно свойственные ему при общении с радиослушателями.

Но время эфира, слава богу, подходило к концу. И вот в последние десять минут ему досталась некая Мардж из Эссекса. Откровенно говоря, Майклу очень хотелось ее придушить. Она разговаривала с ним таким тоном, словно он был не известным врачом, а кассиршей, обсчитавшей ее в супермаркете.

Изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, Теннент мягко произнес:

– Полагаю, Мардж, вам стоит еще раз перечитать ту книгу, что вы упомянули. Понятие «коллективное бессознательное» ввел Карл Юнг, а вовсе не Зигмунд Фрейд. Неплохо бы освежить свои знания.

– Я так не думаю, доктор Теннент, – раздраженно ответила радиослушательница. – И вы, кстати, так и не объяснили, что означает мой сон. Про выпадающие зубы. Ну, что это значит?

Редактор сказал ему в наушники:

– Закругляйтесь, Майкл, через шестнадцать секунд новости.

Майкл кинул взгляд на часы над головой Аманды Кэпстик – до семи и впрямь оставались считанные секунды.

– Это весьма распространенный сон, Мардж. Я подробно рассказывал о нем две недели назад. В жизни человека есть два периода, когда у него выпадают зубы. Сначала – молочные, что означает появление проблем, связанных со взрослением, в особенности проблемы ответственности. Другой период, – продолжал Майкл со злорадством, какого и сам от себя не ожидал, – тот, который вы, судя по вашему голосу, сейчас переживаете. Ваш сон символизирует страх перед старостью и всеми проблемами, которые она несет с собой: потерей привлекательности, угасания прежних способностей, наступления беспомощности. Иными словам, беззубости.

– Но Фрейд толкует это иначе, – возразила женщина.

В наушниках прозвучал голос редактора:

– Десять секунд.

– Наша передача подошла к концу, – сказал Майкл. – Надеюсь, что хоть немного вам помог.

Он щелкнул выключателем, снял наушники и почувствовал, как струйка пота бежит у него сзади по шее. Аманда Кэпстик снова улыбнулась ему из-за стеклянной перегородки, одобрительно подняв большой палец.

Майкл в ответ поморщился и пожал плечами, потом залпом допил остатки холодного кофе. Дверь открылась, и, торжественно кивая, вошел редактор Крис Бимиш – среднего роста, бородатый, с птичьими глазами, в которых застыло подозрительное выражение.

– Ну, как вам сегодняшняя передача? – Майкл каждую неделю задавал этот вопрос.

А Бимиш каждую неделю давал ему один и тот же ответ:

– А что, хорошо, я думаю, людям понравилось.

– Боюсь, что-то у меня сегодня не заладилось, – сказал Майкл. – Я был далеко не на уровне.

– Да нет, думаю, людям понравилось, – повторил Бимиш, выступая от имени предполагаемых трехсот восьмидесяти двух тысяч радиослушателей. Он вроде как считал себя их уполномоченным.

– Вы были просто великолепны, – сказала Аманда Майклу несколько минут спустя, когда они прошли мимо охранника в пустой вестибюль. – Вы очень доверительно разговариваете со слушателями.

– Спасибо, – улыбнулся Майкл. – Но сегодня был не мой день.

– Я бы хотела использовать часть вашей передачи в своем фильме. Вы позволите?

– Конечно.

– Мы могли бы попытаться сделать запись в живом эфире, чтобы уловить ваш непосредственный стиль общения. – Она помолчала, потом добавила: – А вы никогда не

задумывались о создании собственного телевизионного шоу? Что-нибудь вроде «В кресле психиатра» Энтони Клера?

– Я не уверен, что теле- или радиопсихиатрия приносит людям пользу, – ответил он. – Откровенно говоря, у меня на этот счет сильные сомнения. Десять минут – это ведь очень мало. Даже получаса и то недостаточно. Иной раз мне начинает казаться, что я приношу таким образом больше вреда, чем пользы. Трудно обсуждать проблему, не видя лица пациента, его мимики и языка тела. Поначалу я думал, что подобная передача заставит людей с большим доверием относиться к психиатрии. А теперь вот боюсь, что ошибался.

Они подошли к двери. Майклу нравился аромат ее духов – изысканный, чуть терпкий. Еще несколько секунд – и Аманда уйдет, а он отправится домой, проведет еще один вечер в одиночестве, сунет в микроволновку какой-нибудь полуфабрикат, пощелкает пультом телевизора, или попытается погрузиться в чтение, или сядет писать очередную статью, или...

...А ведь надо еще составить отчет, который затребовал у него помощник coronера.

Майклу отчаянно хотелось задержать Аманду. Но он уже столько лет не флиртовал с женщинами, что давно растерял даже те скромные навыки, которые у него когда-то имелись. А вдруг она замужем?

Он украдкой кинул взгляд на ее руки, но обручального кольца не увидел. У нее были удивительно маленькие и худые руки, лак на ногтях облупился, словно она была из работяг, которые не слишком заботятся о своем внешнем виде. И это еще больше расположило его к Аманде. Майкл не любил безупречность. Слишком многие из его пациентов были перфекционистами. Он предпочитал людей с простыми человеческими слабостями.

– Может, зайдём куда-нибудь выпить? – предложил он, удивляясь тому, как непринужденно звучит собственный голос. – У вас есть время?

Их взгляды встретились. У нее были красивые глаза, ярко-синего цвета, необыкновенно живые. Аманда улыбнулась, посмотрела на часы, потом отвернулась и уклончиво произнесла:

– Спасибо, но у меня как раз на восемь часов назначена встреча. Извините.

– Нет проблем, – сказал Майкл, скрывая разочарование за веселой улыбкой и спрашивая себя, с каким же это счастливецом у нее свидание.

По пути домой он думал об Аманде, неспешно ведя свой «вольво» на юг, через мост Патни, а потом вверх по крутому склону улицы. Вспоминал ее улыбку за стеклом студии. Вспоминал взгляд, которым она одарила его на прощание. А ведь во взгляде этом определенно присутствовала симпатия.

Да, Аманда отвергла его предложение выпить, однако...

Показалось ему или в самом деле в ее отказе сквозила некоторая досада?

Ничего, будут и другие возможности. Они еще встретятся. Или... Черт побери, он может позвонить ей прямо завтра и попытаться счастья. Почему бы и нет?

«А вот интересно, доктор Майкл Теннент, чем ты можешь привлечь эту девушку? Ты на десять лет старше ее. Она молодая, эффектная, успешно делает карьеру – да весь мир у ее ног. А ты для нее всего лишь старпер на „вольво“».

Да и профессионал ты тоже не ахти какой. И доказательство тому – в сегодняшней утренней газете. Тебе остается только надеяться, что эта газета не попадется на глаза Аманде Кэпстик.

И тем не менее я ей понравился. Точно. По-настоящему понравился. Ну да, у нее была

назначена на сегодня встреча, так что с того?»

Майкл решил, что позвонит Аманде завтра утром.

Откажет так откажет – ничего страшного.

9 июля 1997 года, среда

Никто и нигде не готовит нас к смерти. А между тем это следует включить в школьную программу. Однако учителя учат нас, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Я ношу эту ерунду в голове вот уже двадцать пять лет, но так ни разу и не воспользовался своим знанием. Нас учат, как спросить по-французски дорогу к ратуше. Но за тридцать семь лет, что я живу на свете, мне это ни разу не понадобилось.

Однако самому важному нас не учат: мы понятия не имеем, что будем чувствовать, когда умрет близкий человек. А ведь однажды это непременно произойдет с каждым из нас, как только что случилось со мной. И вот я остался один, и мне самому придется со всем справляться и думать, как жить дальше.

Похоже, существует целая последовательность эмоций, через которые нужно пройти. Потрясение. Отрицание. Гнев. Чувство вины. Подавленность.

Я испытал потрясение, зафиксировал его. Прошел через отказ принять случившееся. Поставил галочку и против этого чувства в списке. Теперь я переживаю гнев.

Я зол на многих людей. Но больше всего я зол на тебя, доктор Майкл Теннент.
Это ты убил мою мать.

«9 июля 1997 года, среда

Доктору Гордону Сэмпсону, коронеру Вестминстера, от доктора Майкла Теннента, доктора медицины, члена Научно-исследовательского совета по психиатрии.

ОТЧЕТ

Тема отчета: Глория Дафна Рут Ламарк, ныне покойная.

Глория Ламарк была моей пациенткой с марта 1990 года. До этого она систематически проходила лечение у моего коллеги, доктора Маркуса Ренни из Шин-Парк-Хоспитал, с 1969 года и вплоть до его ухода на пенсию в 1990 году. История болезни Глории Ламарк свидетельствует о том, что она постоянно наблюдалась у психиатров с 1959 года и принимала антидепрессанты (см. прилагаемый перечень).

Моя последняя встреча с пациенткой, состоявшаяся 7 июля, в понедельник, была абсолютно бесплодной. В последние месяцы я чувствовал, что она понемногу продвигается к осознанию своих трудностей и к принятию того факта, что по складу характера не отвечает требованиям, которые налагает на человека актерская профессия. И я пытался пробудить в ней интерес к другим занятиям, в особенности к благотворительности, поскольку в этой сфере миссис Ламарк могла бы быть полезной обществу и, таким образом, вести полноценное существование.

По моему мнению, покойная была женщиной крайне неуравновешенной, страдала от психического расстройства, что мешало ей вести обычную социально активную жизнь и фактически превратило ее в затворницу. Упомянутое психическое расстройство начало развиваться у больной еще в детстве или в юности, а крах ее артистической карьеры в середине 1960-х годов определенно стал своего рода спусковым крючком, спровоцировав дальнейшее ухудшение ее состояния».

Майкл, находившийся в своем домашнем кабинете, перемотал пленку диктофона, прослушал начало отчета, а потом продолжил:

«Глория Ламарк сыграла главные роли (некоторые уже в статусе кинозвезды) в нескольких фильмах в конце 1950-х – начале 1960-х годов, однако перестала быть востребованной актрисой, когда ей не исполнилось еще и тридцати. Крах своей карьеры она объясняла рядом факторов. Рождением сына Томаса. Распадом брака. Интригами соперниц, в особенности актрисы Кору Берстридж, которая, по навязчивому убеждению пациентки, будучи завистницей и карьеристкой, просто из кожи вон лезла, чтобы погубить ее, и намеренно отбирала у нее лучшие роли в фильмах.

По моему мнению, главной причиной крушения карьеры покойной стало ее психическое расстройство. Она никак не могла принять реалии жизни или признать их существование. Глорию Ламарк отличало гипертрофированное самомнение, которое требовало постоянной подпитки и временами, когда ставились под сомнение ее таланты или способности, проявляло себя приступами насилия и неконтролируемой ярости, вплоть до нанесения физических травм другим людям.

Несколько раз покойная поднимала на приеме тему самоубийства, хотя, согласно моим записям, в последние два года этого не случалось. Имеются сведения, что она дважды предпринимала попытки суицида: в 1967-м и в 1968 году, после провала театральной постановки, с помощью которой она хотела вернуться в профессию. Пациенты, которые

ранее уже покушались на собственную жизнь, относятся к зоне риска, и я не забывал об этом, работая с Глорией Ламарк. Однако, ввиду того, что оба раза дозы принятых больной лекарственных препаратов были незначительными, а также учитывая содержание оставленных ею записок и прочие сопутствующие обстоятельства, я пришел к выводу, что эти попытки были скорее криком о помощи, чем серьезным намерением действительно покончить с собой.

Закончив карьеру, Глория Ламарк имела возможность продолжать жить безбедно, поскольку унаследовала значительную часть недвижимости мужа, немецкого промышленника Дитриха Буха, который погиб, катаясь в горах на лыжах, еще до завершения бракоразводного процесса.

С середины 1960-х годов смыслом жизни покойной стал ее сын Томас, который вплоть до самой ее смерти проживал вместе с матерью; Глория Ламарк полностью, просто патологически зависела от него – как в эмоциональном, так и в социальном плане».

Майкл перестал наговаривать текст на диктофон. Его показания почти наверняка будут зачитываться в суде. Он должен подумать о чувствах молодого человека. Глория Ламарк редко говорила о своих отношениях с сыном, которого врач ни разу не видел, и эти отношения всегда беспокоили Майкла, но ему так и не удалось выудить из пациентки всю правду.

Насколько доктору Тенненту удалось выяснить, парня по какой-то причине выгнали из школы, и в детстве он долгие годы находился под наблюдением психиатра. Майклу казалось, что пациентка усиленно скрывает какой-то наличествующий у ее сына дефект; однако врач так и не смог понять, делает она это ради любимого мальчика или же с целью защиты собственной репутации.

В пятьдесят девять лет Глория Ламарк все еще была красивой женщиной. После того как муж бросил ее, у нее было несколько романов, но все они продолжались недолго, а когда сыну исполнилось лет тринадцать или четырнадцать, она и вовсе прекратила встречаться с мужчинами.

Теннент знал, что в детстве Томас Ламарк в основном учился на дому. Глория сообщила Майклу, что ее сын хотел стать врачом и поступил на медицинский факультет, однако вскоре (ему так и не удалось узнать, по какой именно причине это произошло) молодой человек бросил учебу и вернулся домой. Друзей у него вроде бы не было.

Майкл не сомневался: это следствие того, что Томас так и остался несамостоятельным – его поступками руководила мать. Неразумное собственническое чувство, подавляющее личность ребенка, не редкость для матерей, однако Теннент подозревал, что в данном случае дело зашло слишком далеко.

Глория всегда говорила ему, что Томас во всех отношениях идеален. Вполне характерное для нее представление: она могла произвести на свет лишь сплошное совершенство. У психиатра сложилось впечатление о ее сыне как о человеке безропотном, слабом, затюканном и неадекватном.

«Вот бедняга, каково-то ему теперь?» – спрашивал себя Майкл.

Ох уж это место. Лестница. Многоэтажная парковка. Серый железобетон. Использованные шприцы и разорванные упаковки от бургеров. Запах мочи. Лампы в потолке сквозь фильтрдохлых мух и пыли выдавливают из себя слабые лучи света.

Это место не вызывало у Тины Маккей особой неприязни по утрам, когда вокруг непременно были люди, а естественного света хватало, чтобы разглядеть граффити. Другое дело по вечерам, в сумерках или темноте: декорации парковки распаляли воображение, вызывая самые разные мысли, которые ей хотелось прогнать прочь.

У Тины за спиной хлопнула дверь, заглушив рычание машин на улице Хай-Холборн своим пустым, раскатистым грохотом, и девушке показалось, будто она стоит внутри барабана. Потом, шарахаясь от каждой тени и невольно вспоминая газетные репортажи о расчлененных трупах, она стала подниматься по лестнице – надо было преодолеть пять пролетов. Именно этот отрезок дороги домой она ненавидела всей душой. Но сегодня Тине было о чем подумать, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

Сегодня она идет на свидание!

Тина прикидывала, что наденет, стоит ли помыть голову, и пришла к заключению, что времени на это уже нет.

Она продолжала перебирать в уме: сумочка, помада, духи. Туфли?

«Черт! Я забыла взять из ремонта черные замшевые туфли! Они бы идеально подошли к сегодняшнему наряду, а теперь придется срочно что-то придумывать.

Черт возьми, ну надо же было так лохануться!»

Кто-то выдернул из-под нее день, словно громадный ковер. Такое случалось нередко, время просто заканчивалось, груды рукописей копились, листы становились длиннее, и она не успевала отвечать на неуклонно растущее число звонков. Но сегодня Тина решила забыть обо всем этом. Сегодня она почти не боялась эха собственных шагов, обычно так пугавшего ее на пустой лестнице. Сегодня она думала о Тони (достопочтенном Энтони!) Реннисоне. О таком правильном, серьезном, интеллигентном мужчине, застенчивом и забавном.

Она явно ему нравилась.

И он ей тоже нравился. Обалдеть!

И внезапно Тина Маккей, которая всегда вела себя так, будто она старше, чем на самом деле, снова превратилась в девчонку. Две недели назад, еще до их знакомства с Тони, прежде чем он в первый раз пригласил ее на свидание, она была тридцатидвухлетней женщиной, которая держалась так, будто ей все сорок два. Или, может, даже пятьдесят два.

У Тины, невысокой, коротко стриженной шатенки, было приятное лицо: простое, но не лишенное привлекательности. Благодаря манере одеваться и держать себя она производила на окружающих впечатление очень надежного человека. Люди инстинктивно доверяли Тине: в школе она неизменно была старостой, а теперь стала шеф-редактором «Пелхам-Хауса», одного из крупнейших лондонских издательств. Она основательно перешерстила отдел беллетристики и обновила перечень выпускаемых там книг, а теперь вплотную занялась переживавшими кризис научно-популярной и документальной литературой.

Но сегодня Тина чувствовала себя школьницей, и бабочки в ее душе все сильнее махали крылышками с каждым шагом, приближавшим ее к машине, к дому.

К свиданию.

Принадлежавший Тине «гольф» со сломанным глушителем стоял на своем месте в дальнем углу, его багажник торчал под гигантской трубой отопления, которая в сумерках походила на какое-то притаившееся в засаде хищное животное. Автомобиль приветствовал появление хозяйки резким гудком и подмигиванием фар. Тина немного удивилась, когда, открыв дверь машины, увидела, что лампа в салоне не загорелась.

Она села, пристегнулась ремнем безопасности. Но когда вставила ключ в замок зажигания, внезапно открылась задняя дверь, и какая-то высокая фигура уселась на пассажирское место.

Мужской голос, отрывистый и уверенный, где-то совсем рядом, в считанных дюймах от ее лица, произнес:

– Помните меня?

Она замерла.

– Я Томас Ламарк. – Мужчина говорил так, будто у него во рту перекачивался ледяной кубик. – Ну что, вспомнили?

«Господи боже! – подумала Тина, пытаясь сообразить, что происходит. В машине сильно пахло одеколоном „Живанши“. Тем же одеколоном пользовался и тот, кто пригласил ее на свидание. – Неужели это Тони придумал какой-то розыгрыш? Нет, голос другой». Низкий голос звучал спокойно и уверенно. В нем слышалась холодная красота. Леденящая, почти поэтическая.

Пальцы девушки нащупали дверную ручку.

– Нет, – ответила она. – Извините, но не припоминаю.

– Вы должны помнить мое имя. Томас Ламарк. Вы отвергли мою книгу.

Никого поблизости не было. Охранник сидел в будке пятью этажами ниже.

– Вашу книгу?

Лица собеседника Тина не видела: говорила с силуэтом – высоким, стройным силуэтом.

– Да, вы ее отвергли.

– Извините, – сказала она. – Я... ваше имя ничего мне не говорит. Томас Ламарк?

– Вы еще написали мне письмо. Оно у меня с собой.

Тина услышала шуршание бумаги, потом его голос:

– «Уважаемый мистер Ламарк! Спасибо, что прислали нам рукопись своей книги „Авторизованная биография Глории Ламарк“. После внимательного прочтения мы вынуждены с сожалением сообщить Вам, что не сможем ее опубликовать. Надеемся, что в других издательствах Вас ждет успех. Искренне Ваша, Тина Маккей, шеф-редактор».

Наступило молчание. Тина прикидывала, есть ли у нее шансы открыть дверь и броситься наутек.

– Это ваше сожаление, Тина, оно искреннее? Вы и вправду сожалеете? – спросил он и добавил: – Мне нужно знать. Для меня это очень важно.

Тут стояли и другие машины.

«Через минуту-другую может кто-нибудь появиться, – подумала она с надеждой. – Постарайся выиграть время. Он псих, и этим все объясняется. Просто псих».

– Вы хотите, чтобы я перечитала рукопись еще раз? – Голос ее звучал тоненько, испуганно.

– Да вроде как перечитывать уже поздновато, не правда ли, Тина?

– Видите ли, мы используем сторонних рецензентов. Я... наше издательство получает очень много рукописей, иной раз до двух сотен в неделю, так что все я просто физически не

могу прочесть.

– И моя рукопись показалась вам недостаточно важной, так?

– Нет, я не это имела в виду.

– А я думаю, именно это, Тина. Я вложил в книгу немало труда, но вы решили, что ее вполне можно не читать. Это биография моей матери, Глории Ламарк.

– Глории Ламарк? – повторила девушка, и горло ее перехватило от страха.

– Вы никогда о ней не слышали?

Вопрос прозвучал презрительно и агрессивно одновременно.

– Я... послушайте, мистер Ламарк... А давайте вы оставите мне рукопись, и я внимательно прочту ее, обещаю.

Тут его тон неожиданно потеплел, и на мгновение надежда вернулась к ней.

– Знаете что, Тина? Я бы очень хотел это сделать. Правда. Вы должны мне верить, я говорю искренне.

Она увидела, как сверкнул в полумраке металл. Услышала щелчок и хлопок. Потом наступила тишина.

– Что это было? – спросила она.

– Я подбросил монету. О, это особенная монета. Она принадлежала моему покойному отцу. Золотая монета достоинством в двадцать марок, отчеканенная в ландграфстве Гессен-Дармштадт в тысяча восемьсот девяносто втором году, в последний год правления Людвига Четвертого. Я просто подбросил монету. Орел или решка. Единица или ноль. Двоичный код. К нему можно свести все в этой жизни. Кстати, по такому принципу работают компьютеры. Вы знали об этом, Тина? Да или нет. На этой планете все либо черное, либо белое, как в двоичной системе. В простоте есть великая красота. Если бы вы прочли мою книгу, то знали бы это.

– Я... я обязательно ее прочту.

– Нет, момент уже упущен. Все надо делать вовремя. Вы никогда об этом не задумывались?

– Никогда и ни для чего не бывает слишком поздно.

– Нет, Тина, вы ошибаетесь. И вести разговоры уже слишком поздно. – Он снова подбросил монету и констатировал: – Орел. Вы знаете, что означает орел?

– Нет.

– А если бы прочли мою книгу, то знали бы.

«И что только, черт побери, я в тебе нашла?»

В былые времена Аманда умерла бы ради этого мужчины, но сегодня ей казалось, что она сидит в ресторане за столиком с каким-то совершенно незнакомым типом.

Звали его Брайан Трасслер. Сорок шесть лет, худое, суровое лицо основательно потрепанного жизнью человека. Он коротко стриг свои редкие светлые волосы, за исключением нескольких длинных прядей, которыми прикрывал лысину. Под выдавшим виды серым пиджаком от «Армани» черная рубашка с ярким галстуком. У Брайана имелись жена по имени Линда и два маленьких сына – Эдам и Оливер, а также три модные машины и мотоцикл «харлей-дэвидсон».

Хотя по общепринятым меркам Брайан и не был красив, Аманда всегда с ревностью отмечала его способность привлекать женщин. Когда они познакомились семь лет назад, Брайан излучал удивительную энергию, Аманда прежде ни разу не встречала ничего подобного. Глядя на него, можно было подумать, что он, если захочет, запросто горы может свернуть. Именно эта его энергия вкупе с благоговейным трепетом, который Брайан Трасслер невольно вызывал, будучи знаменитостью, мгновенно привлекла к нему девушку.

Их роман начался на первом же свидании, в номере отеля «Хальсион», после ланча в ресторане «Каприз». А закончила его Аманда семь лет спустя, тоже в «Капризе». Это было два месяца назад. Почти день в день.

Брайан, казалось, постарел за то время, что они не виделись. Волосы потеряли прежний блеск, лицо побагровело, покрылось сеточкой лопнувших капилляров – годы пьянства сделали свое дело. Глядя на него, можно было подумать, что он вот-вот рассыплется на части.

Аманда отдавала себе отчет в том, что если бы она все еще любила этого человека, то, вероятно, ничего не заметила бы. Прежде она любила каждый волосок на теле Брайана и не могла представить себе жизни без него. И вполне возможно, что так продолжалось бы и по сей день, если бы он не предал ее.

Если бы Брайан был честен с ней... если бы он держал свое слово...

Думаете, миллион «если»? Нет, всего лишь несколько, но таких, которые действительно имеют значение.

Аманду удивило, что сейчас она вообще ничего не испытывает по отношению к этому человеку. Она боялась этой встречи и сама толком не понимала, почему согласилась прийти. Может быть, пожалела Брайана – он пребывал в расстроенных чувствах, постоянно ей названивал, бомбардировал письмами по электронной почте и факсами, присылал цветы, умолял... А может быть, ей просто нужно было увидеть его еще раз, чтобы убедиться в правильности принятого решения.

И теперь именно это с ней и произошло. Аманда испытала огромное облегчение. Наконец-то, по прошествии семи лет, она освободилась от чувства, которое буквально поработило ее. Теперь она могла пройти мимо «Каприза», не испытывая внезапной боли в сердце. Она могла слушать «Lady in Red»^[1] и не тосковать о Брайане всем своим существом. Могла проснуться утром, не страдая оттого, что сегодня суббота и она не увидит его до вечера понедельника. И если прежде его звонки были маяками в ее жизни, то теперь они стали помехой.

И спустя семь лет та простая мысль, которую близкие все это время пытались вдолбить Аманде в голову, наконец-то дошла до нее: «Брайан Трасслер, ты полное дерьмо, черт бы тебя побрал».

Он вытащил пачку сигарет, закурил.

– Аманда, не поступай так со мной, – взмолился он. – Я очень тебя люблю. Я тебя просто обожаю.

– Знаю, – безучастно сказала она.

Брайан уставился на нее, барабая свободной рукой по столешнице, покрытой скатертью. Смотрел воспаленными глазами, и Аманда подумала, что выглядит он так неважно оттого, что не спит. Он ей говорил, что не может уснуть, поскольку все время думает о ней, и ей от этого было не по себе. Она не желала ему зла.

Брайан тяжело дышал.

– Я готов уйти от Линды.

Линда была хорошенькой женщиной с коротко стриженными темными волосами и неизменно печальным выражением лица; она словно бы знала, что с ее браком что-то не так. Аманда никогда не питала к сопернице ненависти, только зависть, а временами ее одолевало чувство вины перед Линдой.

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, Брайан, ты не готов от нее уйти. Я слышала от тебя эти слова бесчисленное число раз.

– Теперь все изменилось.

«Уж не утратил ли Брайан способность отличать правду от лжи, в сети которой существовал?» – спрашивала себя Аманда. Она познакомилась с ним, будучи двадцатидвухлетней девушкой, выпускницей киношколы. Аманда тогда отправила свое резюме, узнав о вакансии ассистента в его продюсерской компании. На собеседовании Аманда впала в панику, потому что разговаривал с ней сам Брайан Трасслер – она видела это имя в титрах. Иногда он выступал в качестве режиссера, иногда – продюсера во множестве успешных телевизионных сериалов: «Билль», «Лондон в огне», «Шутиха», «Мороз», «Несчастный случай».

Потом Аманда узнала, что Брайан был мошенником и беззастенчиво грабил собственную компанию. Если руководство Би-би-си выдавало ему на съемки очередной серии двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, то он обходился меньшей суммой, а разницу использовал творчески. Он давал взятки и брал их сам.

Меньше всего Брайан Трасслер стремился создать продукцию высокого качества или получить награду, его не волновал престиж, его интересовало лишь одно: выдоить из системы кинопроизводства как можно больше денег. Он имел репутацию успешного производителя стандартных, надежных сериалов о буднях полицейских или врачей. Его ничуть не беспокоило, что в художественном плане американские «Скорая помощь» и «Полиция Нью-Йорка» были несоизмеримо выше его творений.

И в самом начале их бурного романа Аманду это тоже не беспокоило. Она, двадцатидвухлетняя девушка, которая была без ума влюблена в одного из богов телевидения, получила возможность постоянно встречаться со звездами и участвовать в создании рейтинговых, предназначенных для показа в прайм-тайм сериалов, – о таком старте карьеры можно было только мечтать! Брайан сказал ей, что его брак якобы уже несколько лет существует только на бумаге, он, дескать, собирается расстаться с женой и – знал, чем можно

ее завлечь, – вдобавок намерен дать Аманде возможность поставить свой собственный сериал.

Четыре года спустя он по-прежнему оставался женатым человеком, а до собственного сериала дело так и не дошло, поэтому Аманда уволилась из его компании и заняла более перспективную должность в «20–20 Вижн». Но порвать с Брайаном она так и не смогла. Предприняв однажды отчаянную попытку расстаться, Аманда, чувствуя себя глубоко несчастной, провела без него целых три месяца, но после очередного ланча со спиртным они снова оказались в одной постели.

И вот теперь она смотрела, как он жадно и нервно курил сигарету.

– Ты забрал семь лучших лет моей жизни, Брайан. Мне уже двадцать девять, ты понимаешь? Мои биологические часы тикают, и ты должен быть справедлив по отношению ко мне. Я хочу иметь мужа и детей. Хочу проводить выходные с мужчиной, которого люблю.

– Ну так давай прямо сегодня начнем жить вместе, – предложил он.

Официант принес им кофе. Брайан заказал бренди. Аманда дождалась, когда официант отойдет от их столика, и укоризненно произнесла:

– Это ты здорово придумал. Твоя жена на восьмом месяце, а ты хочешь, чтобы и твоя любовница тоже забеременела. Ты на какой планете живешь, Брайан?

Он смерил ее недобрым взглядом:

– Ты с кем-то встречаешься?

– Нет.

Он вздохнул с облегчением:

– Значит... у меня еще есть шанс, да?

– Ничего подобного, – ответила она. – Мне очень жаль, Брайан, но никаких шансов у тебя нет.

10 июля 1997 года, четверг. 03:12

От: tlamark@easynet.co.uk

*Кому: подписчикам новостных групп Usenet; фан-клубам и всем поклонникам
Глории Ламарк*

*С глубоким прискорбием сообщаю о смерти моей матери Глории Ламарк,
последовавшей во вторник, 8 июля, в ее доме в Лондоне.*

*Похороны состоятся на кладбище Милл-Хилл в следующую среду, 16 июля, в
12:00. После похорон в доме номер 47 по Холланд-Парк-авеню, Лондон W14,
состоится поминальный обед.*

Приглашаются все друзья и поклонники усопшей.

*Рекомендуется приходить заранее, поскольку ожидается большой наплыв
посетителей.*

*Подробности заупокойной службы, для тех, кто не сумеет попасть в церковь,
будут объявлены позднее.*

Не забудьте зарегистрироваться на веб-сайте Глории Ламарк!

http://www.gloria_lamark.com

– У меня есть тайна, – сказал старик и погрузился в молчание.

Доктор Теннент привык к тому, что этот пациент вообще частенько делал в разговоре долгие паузы. Майкл сидел на своем удобном стуле, раскрыв историю болезни и чуть выпрямив спину. Кейти постоянно говорила мужу, что осанка у него паршивая.

Кейти.

Ее фотография до сих пор стояла на его письменном столе, и она по-прежнему занимала его мысли, частичка ее присутствовала во всем, что занимало его. Майкл хотел освободиться от нее и в то же время парадоксальным образом желал, чтобы она осталась. На самом же деле он мечтал освободиться от боли, обрести способность двигаться дальше. Но чувство вины неизменно препятствовало этому.

Кабинет доктора Теннента, длинный и узкий, размещался под самой крышей элегантного особняка. Прежде особняк этот был лондонской резиденцией одного чайного магната, а теперь являлся частью Шин-Парк-Хоспитал. Здесь находились кабинеты шести психиатров и четырех психотерапевтов, а также тридцать отдельных палат для стационарных пациентов. К дому вела дорожка, обсаженная рододендронами; она петляла на протяжении четверти мили по ухоженному парку, тянувшемуся до самой Темзы. Ничего этого ни Майкл, ни его пациенты не видели: в его кабинете имелось лишь одно маленькое круглое окно, похожее на корабельный иллюминатор, и находилось оно значительно выше человеческого роста, под самой крышей.

Кабинет у доктора Теннента был крохотный. Письменный стол, два обычных стола и ряд шкафов вдоль стен, почти каждый дюйм поверхности занят папками, письмами, медицинскими журналами или книгами, ждущими его рецензии. Даже на компьютере лежала какая-то пачка бумаг, она лежала там так давно, что Майкл перестал ее замечать.

Он знал, что и ему самому требуется психотерапевт, – вот ведь ирония судьбы. Он должен найти в себе силы справиться с собственным горем и жить дальше. Но это было выше его, перевернуть страницу никак не получалось, и фотография Кейти по-прежнему оставалась у него на столе. И, глядя на нее, Майкл вновь и вновь прокручивал в памяти события того страшного дня. Вот только что они ехали по дороге, Кейти плакала, у него самого настроение было дерьмовое, а в следующее мгновение...

Провал в памяти.

Амнезия. Тот самый защитный механизм, который помогает не сойти с ума некоторым убийцам. Можно сегодня совершить самое страшное преступление, а на следующее утро проснуться и абсолютно ничего не помнить.

Буквы на карточке пациента стали расплываться. Майкл чуть опустил голову, поправил очки с мультифокальными линзами, и слова вновь обрели резкость.

На первой странице было напечатано: «Дортмунд, Герман Барух. Род. 07.02.1907». Дортмунд умирал: у него была последняя стадия онкологии. Началось с рака прямой кишки, но теперь метастазы распространились по всему организму. Он еще каким-то невероятным образом держался: в его исхудавшем теле оставалась внутренняя сила, витали призраки демонов, которые некогда владели им и которых теперь он пытался изгнать. Дортмунд мучительно проживал день за днем, сохраняя хрупкое здравомыслие. Надеяться на большее он не мог. Откровенно говоря, Майкл в глубине души считал, что даже и этого его пациент не

заслужил.

Но доктор Теннент был слишком профессионален, чтобы позволить прошлому Дортмунда влиять на его суждения или медицинские предписания. Этого человека в свое время судили в Нюрнберге, но он избежал виселицы. И с того времени, мучимый посттравматическим психозом и чувством вины, Дортмунд на протяжении вот уже пятидесяти четырех лет каждую ночь отправлялся в ад, а потом возвращался оттуда.

Иногда Майкла охватывала дрожь при одном только виде бывшего нациста. Он представлял себе, каково бы это было, оказаться в 1943 году в концлагере Берген-Бельзене вместе с Кейти, отделенными друг от друга проволоочной стеной высотой в двадцать футов: с одной стороны женщины и дети, с другой – мужчины; в воздухе – запах смерти и разложения, а из труб поднимается дым.

Майкл напоминал себе, что подобные мысли не профессиональны, но как выкинуть такое из головы? Он снова посмотрел на Дортмунда и буквально содрогнулся от отвращения. Но при всем при том какая-то его часть сочувствовала немцу. Случались даже минуты, когда пациент нравился Майклу: присутствие бывшего нациста напоминало ему, что все мы способны творить зло, а иногда, порицая поведение того или иного человека, мы все же можем принимать его как личность. А данная конкретная личность интересовала Майкла.

Дортмунду перевалило за девяносто. Его лицо пестрело старческими пигментными пятнами, уголки губ отвисли. Сверкающая лысина возвышалась над несколькими жидкими прядями волос, напоминая фарфоровую чашу, положенную в солому. Он никогда не улыбался.

– Мне нужно спросить у вас... – сказал Дортмунд.

– Да, – мягко ответил Майкл, ободряя его.

– Вы умеете хранить тайны?

– Разумеется.

– Конфиденциальность сведений о пациенте? Клятва Гиппократата и все такое, да?

Майкл задумался. Сегодня не все врачи приносят клятву Гиппократата, но он слишком устал и не хотел вдаваться в детали. Дортмунд был ранней птичкой. Он любил приходить в семь тридцать утра, словно для того, чтобы потом удалиться в свою берлогу, не соприкасаясь с остальным миром, прежде чем тот проснется и займется делами. Майкл не возражал: он вполне мог раз в две недели приезжать рано. Это позволяло ему после ухода Дортмунда уделить час бумажной работе.

– Верно, – ответил он.

Дортмунд разглядывал врача так, словно пытался понять, уж не насмехается ли тот над ним. Даже проведя столько лет в Великобритании, немец так и не смог освоить тонкости английского языка. Майкл не раз убеждался, что шутить с Дортмундом опасно, ибо языковые нюансы ускользали от него.

– Хорошо. – Немец кивнул. – Знаете, я храню эту тайну уже много лет, с самого детства. Мне тогда было лет семь или восемь. – Он встал с дивана, прошелся по кабинету, остановился перед окном-иллюминатором. В свете утреннего солнца старик казался высохшей мумией. – Я знаю, что должно случиться, доктор Теннент. У меня иногда бывают видения. Но я всегда вижу только плохое.

Майкл некоторое время смотрел на него в ожидании продолжения, а потом поинтересовался нейтральным тоном:

– Стало быть, вы ясновидящий? Вы это хотите сказать? В этом и заключается ваша

тайна?

Дортмунд подошел поближе, остановился, положил костлявые пальцы на полированную рукоятку своей трости из красного дерева и уставился на врача слезящимися глазами.

– Мне в жизни особо нечем гордиться, – сказал он. – И этим я тоже не горжусь.

– Расскажите мне, что же вы видите.

– Я знаю, когда с тем или иным человеком случится трагедия. Я принял решение пройти у вас курс лечения, потому что хотел перед смертью искупить свою вину. Но я не нахожу искупления, во всяком случае пока, однако я многое вижу, и, возможно, именно поэтому я и говорю с вами. Может быть, я послан судьбой, чтобы предупредить вас.

– О чем предупредить?

– Вы потеряете женщину, которую любите.

Майкл чуть было не сказал: «Вы опоздали на три года», но сдержался. Он отвернулся, чувствуя себя неловко под взглядом старика. Когда он снова взглянул на Дортмунда, тот по-прежнему смотрел на него со странной безысходностью. Майкл решил не усугублять ситуацию. Он не хотел поощрять фантазии старика, задавая ему вопросы. Надо все взвесить и хорошенько подумать, прежде чем дать пациенту ответ. Какие у него еще есть любимые женщины? Только мама, а ей уже семьдесят девять, да и здоровьем она не может похвастаться. Если мама вскоре умрет, то он не хочет об этом знать... а уж тем более от такого человека, как Дортмунд.

Майкл посмотрел на часы и, к своему облегчению, увидел, что пятьдесят минут истекли.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – сказал он.

После ухода Дортмунда Майкл добавил в его историю болезни еще одну запись: «Склонен к суициду».

Поскольку следующий пациент опаздывал, у него появилось несколько свободных минут. И Теннент, преодолевая себя, позвонил матери. Голос ее звучал бодро. Она сообщила, что отец отправился в Лимингтонскую гавань, возится там со своей лодкой. А они с подругой собираются посетить выставку цветов.

Разговор с матерью приободрил Теннента. В отличие от его пациентов, да и от него самого тоже, родители Майкла обрели в этой жизни удовлетворение и душевный покой.

Мокрая от пота, не в силах пошевелиться, Тина Маккей лежала на жесткой металлической поверхности – руки и ноги связаны, а голова зажата в тисках. Она смутно осознавала, что в мочеиспускательный канал ей вставили катетер. Бедняжка понятия не имела, который теперь час и где она находится.

– Хочешь знать кое-что?

Она испуганно уставилась на своего мучителя, пытаюсь думать, несмотря на страшную боль во рту.

Томас Ламарк, держа в облаченной в резиновую перчатку руке щипцы, какими стоматологи вырывают зубы, стоял над ней и смотрел сверху вниз своими ласковыми серыми глазами.

– Успокойся, Тина, не всякое знание приносит боль. Для тебя то, что я скажу, может оказаться полезным. Моя мать всегда твердила мне о пользе хороших манер, ты меня понимаешь? Жизнь – это длительное обучение. Непрерывно узнавая что-то новое, человек становится лучше. Разве ты не хочешь стать лучше, Тина?

Его низкий голос звучал до нелепого сочувственно.

Тина ничего не ответила. Она еще несколько часов назад поняла, что здесь, в этом помещении с голыми бетонными стенами, можно сколько угодно кричать, но ее все равно никто не услышит. Какие у нее еще оставались варианты спасения?

Ей нужно каким-то образом вразумить этого Томаса Ламарка, и она чувствовала, что где-то глубоко в нем скрываются человеческие чувства, до которых она может достучаться, если только найдет с ним контакт.

– Хорошие манеры предполагают, что человек должен извиниться, когда он не прав. Для того чтобы признать свою ошибку, требуется мужество – достаточно ли его у тебя, Тина? Я имею в виду по-настоящему извиниться за то, что ты отвергла мою книгу.

Ей было трудно говорить, но она снова попыталась умолить его разбитым ртом, голос ее звучал прерывистым кровавым шамканьем:

– Да, пшнешите вашу книгу. Вмеште. Мы мошем пшошаботать над ней вмеште.

Томас отрицательно покачал головой:

– Мне очень жаль, Тина, но ты своими глазами видела, что случилось, когда я подбросил монету. Я вынужден делать то, что велит мне эта монета. Человек должен сам создавать правила, по которым живет, и строго держаться их. Мы не контролируем свою жизнь, верно?

Она согласилась движением век.

– Но ты могла предотвратить это, Тина. В отличие от меня. И в этом разница между нами. Я родился таким, какой я есть. Я никогда не просил, чтобы меня сделали таким. Всю мою жизнь люди твердили, якобы у меня что-то не в порядке с головой. Я должен согласиться с этим. Мне не нравится, что я такой, но я ничего не могу с этим поделать. Я вынужден признать, что веду себя не так, как другие.

Он отошел на два шага, улыбнулся, снял свой хирургический халат и поднял мощные руки.

– Тебе нравится то, что я ношу?

Судя по ее виду, девушка не поняла вопроса, и он повторил:

– Моя одежда. Тебе нравится моя одежда?

Тина посмотрела на него сквозь пелену слез на лице. На его фигуру. Он был удивительно высок – не меньше шести футов шести дюймов. Боже, да кто он такой, этот человек? Он был очень хорош собой – и это странным образом настораживало, – его красота казалась почти невероятной: темные, зачесанные назад волосы, белая рубашка с открытым воротом, зауженные брюки, черные замшевые туфли. Элегантно, но как-то старомодно: он напоминал злодея из пьесы Ноэла Коуарда.

– Вешма мило, – одобрительно прошамкала она. – Э-кхх-лелегантно.

– Это ведь не просто слова, правда, Тина?

– Нет, ш-шго вы.

Он улыбнулся ей такой теплой улыбкой, что на минуту девушка даже поверила: все закончится хорошо.

– Рубашка от «Салки», – пояснил Томас. – Они производят прекрасную одежду из льняной ткани, в ней по-настоящему удобно. Моя мать всегда выбирает мне одежду. Она хочет, чтобы я элегантно выглядел. А мои туфли тебе нравятся?

Она согласно промычала.

– Обувь от «Гуччи». Такие туфли трудно достать, на них огромный спрос. Эти модели приходится заказывать заранее, поскольку их моментально разбирают.

Он развернулся и исчез из виду. Тина слышала лишь его голос:

– Ну хорошо. Теперь давай послушаем музыку. Готова?

В комнате зазвучали грегорианские песнопения, и Тине показалось, что звук прорвался снизу, через пол, сверху, через потолок, через все четыре стены одновременно. Томас Ламарк вернулся, снова облаченный в голубой хирургический халат. Он улыбнулся, мечтательно закатив глаза. Эти строгие аккорды, нежные и чистые высокие звуки унесли его куда-то далеко.

Он танцевал, подчиняясь какому-то своему собственному ритму, раскачивая и размахивая в воздухе щипцами, словно дирижерской палочкой. Потом он наклонился над охваченной ужасом жертвой, крепко ухватил щипцами ее передний зуб и резко повернул рукоятку вверх. Послышался треск – зуб резко обломился вместе с частью корня.

Музыка заглушила крик несчастной редакторши, словно подушка.

10 июля 1997 года, четверг

Что меня всегда беспокоило, так это вопрос о друзьях. У людей есть друзья – иметь их считается вполне нормальным.

Что бы я ни смотрел по телевизору – сериалы, комедии, драмы, – у всех людей непременно есть друзья; им можно позвонить, с ними можно поболтать, к ним можно сходить в гости.

Вот как, интересно, появляются друзья?

Судя по моему опыту, если ты начнешь искать друзей в Сети, то найдешь только предложения секса. Я захожу в паб, начинаю с кем-нибудь говорить, и люди сразу думают, что у меня сексуальные намерения.

Я знаю, во мне есть нечто, делающее меня не похожим на остальных. Я не знаю точно, что именно отличает меня от прочих: возможно, мое нетерпение, неуравновешенность.

Мама всегда уверяла, что мне не нужны никакие друзья, кроме нее. Я этому никогда не верил, но теперь, когда ее не стало, когда после ее смерти прошло всего сорок восемь часов, я начинаю понимать: она была права.

Я вижу мир глазами своей матери. Она говорила, что мир вокруг только и ищет возможности побольнее тебя унижить. И ты должен быть готов дать ему отпор.

Не сумеешь – он возьмет верх.

Если сомневаешься, подбрось монету. Монета подчиняется Высшей власти. Если ты сомневаешься, Он примет решение за тебя.

Человек может брать на себя ответственность только в определенных пределах.

Дом номер сорок семь по Холланд-Парк-авеню привлекал Глорию Ламарк своим величием и театральностью. Этот прямоугольной формы особняк, выстроенный несколько на отшибе, был выдержан в классических пропорциях, однако размеры имел немалые и прекрасно смотрелся бы где-нибудь на просторе, посреди сельской местности. Но здесь, в Лондоне, это был всего лишь один из великого множества домов, чем-то схожих, хотя и разных внешне: у одних фасады были выполнены в георгианском стиле, у других – в стиле Регентства, у третьих, как и у дома сорок семь, – в неоготическом. Перила в виде бойниц, узкие окна, аркообразные двери – все это придавало ему таинственный и даже немного сюрреалистический вид.

Особняк, расположившийся на тихой улице, всего в нескольких сотнях футов от сутолоки Кенсингтон-Хай-стрит, был отделен от проезжей части полукруглой подъездной дорожкой и спрятан от любопытных глаз высокой стеной с чугунными воротами, которые были оборудованы электроприводом, а также буйно разросшимися деревьями, высокими кустарниками и густо обвивавшим стены плющом.

Глория Ламарк переехала сюда в 1955 году, рассчитывая стать хозяйкой модного салона: ее карьера тогда совершила стремительный взлет.

Внутри дома царила атмосфера сцены, пол в громадном коридоре и на лестницах был покрыт плиткой, все убранство было выполнено исключительно в черных, серых и белых тонах. Стены были почти полностью увешаны фотографиями актрисы – по большей части черно-белыми и в рамочках.

Глория Ламарк хотела быть единственным ярким пятном в доме и требовала, чтобы ничто с ней не конкурировало. За последующие сорок два года она ни разу не позволила внести в дом или посадить в саду, где росли в основном вечнозеленые растения, какой-нибудь иной цветок, кроме белого. Хотя в пруд, обрамленный классическими колоннами и арками, словно миниатюрная итальянская лагуна, регулярно выпускали декоративных карпов; рыбы не мешали хозяйке своей окраской, поскольку постоянно находились под водой. А вот гости, которые затмевали Глорию, становились персонами нон грата и впредь уже никогда не приглашались.

В первые десять лет регулярно устраивались пышные приемы, но затем о Глории Ламарк позабыли, и праздники остались в прошлом. Правда, впоследствии хозяйка особняка дала еще несколько обедов, нелепо официальных и отупляюще скучных для всех, кроме Томаса. Ему нравилось видеть мать во главе стола, разодетой; мальчик с упоением слушал, как она развлекает собравшихся историями, которые сам он слышал тысячу раз, но которые никогда ему не надоедали.

Теперь он вспоминал один из тех званных обедов, сидя перед компьютером в своем кабинете на первом этаже, расположенном точно под спальней матери: отсюда сыну обычно был слышен ее голос, если она его звала. Тяжелые, угольного цвета шторы – такие использовались для затемнения во время Второй мировой – не пропускали внутрь света, кроме нескольких серебряных лучиков утреннего солнца. Шторы на окнах Томас задернул во всем доме.

В этот миг он бы с радостью изгнал солнце с небес, чтобы мир погрузился в темноту. Ведь свет предназначен для жизни, а смерти более подобает темнота. Этот дом стал теперь

домом смерти.

Было утро вторника, часы показывали тридцать пять минут одиннадцатого, и Томас, как обычно, не спал всю ночь. Впрочем, прошедшая ночь не походила на остальные, потому что его матери не стало, и теперь уже все ночи будут другими. Изменилось абсолютно все. Прошное принадлежало другой стране, где они вели себя иначе. Но чтобы попасть в новую страну, недостаточно было просто перейти границу. Между прочим, у него оставались незаконченные дела. Все путешественники перед отъездом упаковывают вещи в чемоданы. Завершение незаконченных дел походило на упаковку вещей.

Он поразмыслил над возникшей в его голове метафорой – она ему понравилась. Можно воспользоваться чемоданом, а можно...

Томас отодрал с запястья лейкопластырь, посмотрел на ряд ранок – эта сучка-редакторша укусила его вчера вечером в многоэтажной парковке. Человеческие укусы опасны, они хуже собачьих, хуже ржавого гвоздя. Неплохо бы сделать противостолбнячную прививку, но он слишком занят. Столько всего еще необходимо сделать. Как ему одному с этим управиться?

Томас оторвал опухшие глаза от своего дневника (он делал записи на экране монитора) и перевел взгляд на постер с изображением матери, висевший на стене у него над столом. В этой комнате, куда ни кинь взгляд, он повсюду видел ее – фотографии в рамочках, постеры, афиши, посвященные ей стихи. Его любимый постер висел над столом. Прелестное личико Глории Ламарк недовольно выглядывает из каскада волнистых светлых волос, губки надуты – она презрительно смотрит на что-то за камерой. Одна нога в черном кружевном чулке высовывается из открытой двери спортивного автомобиля («Ягуар ХК 120»), юбка задралась вызывающе высоко, обнажая – или почти обнажая (Томас так и не пришел к окончательному мнению на сей счет) – один дюйм белого бедра.

Надпись под фотографией гласила: «ЛОУРЕНС ХАРВИ И ГЛОРИЯ ЛАМАРК В ФИЛЬМЕ „ДЬЯВОЛЬСКАЯ ГОНКА“!»

Она играла там главную роль. Ее имя было написано заглавными буквами! Она составила звездный дуэт с одним из самых знаменитых актеров двадцатого века. Его мама, несравненная Глория Ламарк!

А теперь она умерла. Ее карьеру погубили завистники и злоумышленники, ее величие испоганили низкопробные ничтожества вроде этой тупоголовой сучки Тины Маккей, а в конце концов ее злодейски убил – да, убил! – доктор Майкл Теннент.

Его мать лежала в холодильнике в морге. А перед этим ее вскрывали в прозекторской. Томас знал, как происходит эта процедура, унижающая человеческое достоинство. Он с содроганием представлял себе, как эта ослепительно красивая, невероятно обаятельная женщина теперь лежит там, абсолютно голая, а какой-то патологоанатом извлек ее мозг из черепной коробки и, вволю поковырявшись в нем, уложил в белый пластиковый пакет вместе с остальными внутренними органами, после чего затолкал все обратно, словно куриные потроха в супермаркете.

У него просто сердце кровью обливалось, когда он думал об этом. Достоинство всегда имело для матери огромное значение, а теперь патологоанатом распилил ее, вскрыл ножом и скальпелем на холодном металлическом столе.

Томас посмотрел на свой стол. На зубы Тины Маккей. Он смыл с них кровь и аккуратно разложил по порядку, дабы быть уверенным, что ни одного не пропустил. Все здесь, полный набор. И в довольно хорошем состоянии, – видимо, редакторша хорошо за ними ухаживала.

Тут Томас почувствовал неожиданный укол вины за ту боль, что причинил девушке. Он еще раз приподнял лейкопластырь, осмотрел ряд ранок на запястье. Потом перевел взгляд на экран, на те слова, которые только что набрал на клавиатуре.

«Ты должен наносить ответный удар любым доступным тебе способом. Должен!»

Прочел – и ему стало лучше. Причина и следствие. Может быть, на этом и зиждется мироздание. Тина Маккей укусила его, теперь она больше не сможет кусаться.

Нет нужды чувствовать себя виноватым.

И вообще, редакторша оказалась здесь лишь потому, что отвергла рукопись. В этом никто не виноват, кроме нее самой.

«Жажда жизни – странная вещь, – подумал он. – Чтобы выжить, люди будут делать что угодно и говорить что угодно. Даже если – как в случае с Тиной Маккей – они остаются в живых только для того, чтобы выносить новую боль и молиться о смерти».

Почувствовав, что теперь его совесть чиста, он потянулся к музыкальному центру и нажал на клавишу воспроизведения. И комнату тут же заполнил голос психиатра. Томас уже наизусть знал все, что тот сказал.

Он перемотал пленку, откинулся на стуле и прослушал еще раз – в сотый или в тысячный, а может быть, и в миллионный раз звучал взволнованный голос Майкла Теннента: «Добрый вечер, это доктор Теннент. Глория, перезвоните мне, пожалуйста, сразу же, как только получите это сообщение. Боюсь, что я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

После разговора с Германом Дортмундом Майкл Теннент пребывал в еще более растревоженном состоянии, чем до начала приема. Он никак не мог сосредоточиться на следующей пациентке – сорокадвухлетней женщине, страдающей дисморфофобией: за последние пять лет она сделала себе двенадцать пластических операций как на лице, так и на теле. Трагедия состояла в том, что прежде она была весьма привлекательной женщиной, только не могла в это поверить. В отличие от Глории Ламарк, которая гордилась своей прекрасной внешностью и не могла поверить, что когда-нибудь потеряет красоту.

У Майкла адски болела голова. Хотя он был в легком льняном костюме бежевого цвета, но весь покрылся потом. Хорошо бы съездить домой, принять две таблетки парацетамола, посидеть в темной комнате. Но сегодняшний день у него был расписан до минуты, нельзя же бросать пациентов. Некролог в газете красноречиво подтверждал это.

Передозировка лекарственных препаратов...

Он точно знал, почему Глория Ламарк так поступила, и это было хуже всего. Она сделала это, потому что...

Зазвонил телефон. Его секретарша Тельма сообщила о приходе пациента, записанного на одиннадцать часов.

– Попроси его подождать несколько минут.

– Хорошо, доктор Теннент, – сказала Тельма, а потом нервно добавила: – Я слушала вашу вчерашнюю передачу. Если позволите мне высказать свое мнение: вы держались гораздо увереннее, чем обычно.

Тельма досталась Майклу в наследство вместе с кабинетом от его предшественника. Он знал, что ее муж – настоящий тиран, и подозревал, что и отец ее почти наверняка был таким же. Невысокая, аккуратная седоволосая женщина, нервная, услужливая, вечно стремящаяся угодить, Тельма казалась старше своих лет. Теннент предположил, что она, вероятно, научилась жить, избегая любой конфронтации. Бедняжка нашла безопасное русло среди камней и теперь ни на дюйм не отклонялась в сторону. Нет взлетов, нет и падений. Не полноценная жизнь, а убогое существование. Хотя у многих людей нет даже этого.

Тельма редко выражала свое мнение, и тем сильнее сейчас ее замечание удивило Майкла.

– Правда? – запустил он пробный шар. – А по-моему, так я вчера был далеко не в лучшей форме.

После некоторой паузы секретарша ответила:

– Мне показалось, что вы в большей степени, чем обычно, говорили от сердца, очень убежденно... Нет, я вовсе не имею в виду, что обычно вы неубедительны, но в этот раз вы определенно говорили иначе.

«Неужели из-за Аманды?» – подумал Майкл. А вслух сказал:

– Спасибо, Тельма. Но, признаться, я не уверен, что буду продолжать вести эту передачу и дальше. Возможно, я откажусь.

– Ни в коем случае не делайте этого, доктор Теннент, – категорически заявила она. – Я думаю, вы очень помогаете людям.

– Сомневаюсь. – Он помолчал. – Ладно, дайте мне пару минут – мне нужно позвонить.

Он положил трубку, уставился на портрет Кейти в рамочке. Их последний совместный

отпуск. Они тогда на теплоходе спускались по Нилу; она стояла на палубе, прислонившись к перилам, улыбалась, смотрела на него своими доверчивыми голубыми глазами. Ветер трепал ее длинные светлые волосы, они обвивались вокруг шеи, некоторые пряди лежали на розовом кашемировом джемпере. У Кейти был здоровый загар, и три цвета – коричневая загорелая кожа, пшеничные волосы и розовый джемпер – являли на фоне ясного голубого неба над Нилом просто идеальное сочетание. Весьма изысканное сочетание.

Так зачем же он сделал то, что сделал?

Зачем?

Кейти была красива. Английская роза. Принцесса. В его мозгу калейдоскопом мелькали воспоминания. Она могла есть что угодно, но никогда не полнела. Его жена любила покушать. Приготовленные на гриле морские языки в ярд длиной. Бифштексы с кровью и тушеный лук на гарнир. Огромные пончики с начинкой из заварного крема. Майкл помнил, как во время медового месяца Кейти засунула ему в рот большую пышку, а потом, смеясь и шутливо ворча, слизала с его губ сахарную пудру. Как заразительно она тогда смеялась.

А теперь Кейти мертва.

Вот она лежит рядом с ним в капкане разбитой машины, вся переломанная, истекающая кровью, неживая. Тут же спущенная подушка безопасности, словно нелепая пародия на использованный презерватив. Окровавленное лицо мертвого мужчины в фургоне, в который они врезались, с упреком смотрело на него сквозь разбитое лобовое стекло; спасатели тем временем пилили металл, а вокруг стояли и глазели на происшествие зеваки.

«Это ты во всем виноват... ты... ты... ты виноват...»

Майкл ненавидел эти воспоминания, но он должен был заново все пережить, чтобы оставить трагедию в прошлом.

Каждый день, каждую ночь его память возвращалась к той страшной аварии. Словно бы дверь некоего сейфа захлопнулась в его мозгу. Внутри осталось несколько секунд его жизни – двадцать, может быть, тридцать, – но за это время изменилось все его существование. Он не мог до них добраться, не мог найти ключ или подобрать нужную комбинацию цифр, чтобы отпереть проклятую дверь.

Когда-то, когда жизнь еще была прекрасна, между ними происходили душевные разговоры, какие случаются у любовников за бутылкой вина или когда они, обнявшись, лежат в кровати. Кейти частенько говорила: ей грустно думать, что если она умрет первой, то Майкл, возможно, никогда уже не будет счастлив. И она заставила мужа пообещать, что, если вдруг однажды так случится, он не поставит на себе крест, но обязательно найдет хорошую женщину и начнет новую жизнь.

И теперь от этого душевного благородства у Майкла буквально разрывалось сердце. Он смотрел на визитку Аманды Кэпстик, лежащую у него на столе: «"20–20 Вижн продакшн лимитед". Аманда Кэпстик. Продюсер».

Потом он в очередной раз вернулся к некрологу в «Таймс». Глория Ламарк.

Передозировка лекарственных препаратов...

Он почти выучил все наизусть.

«Девятого июля в Лондоне, на пятьдесят девятом году жизни, скончалась от передозировки лекарственных препаратов известная киноактриса Глория Ламарк.

Она родилась в Ноттингеме 8 августа 1938 года.

Звезда пятидесятых годов, которую критики называли английской Брижит Бардо, Глория Ламарк во многих отношениях превосходила знаменитую французскую актрису. Она сыграла

множество ролей, в том числе в таких фильмах, как „Досье Арбутнота“ (режиссер Орсон Уэллс), „Дьявольская гонка“ (режиссер Бэзил Реардон), „Штормовое предупреждение“ (режиссер Кэрол Рид) и, наконец, в „Крыльях джунглей“ – картине, которая принесла ей особенный успех (там ее партнером был сам Бен Газзара).

Глория Ламарк впервые появилась на сцене в возрасте трех лет, в Ноттингемском театре, в спектакле „Сказки Матушки-Гусыни“. Ее муж, немецкий промышленник Дитер Бух, трагически погиб в 1967 году. Она нашла в себе силы жить благодаря своему сыну Томасу».

Майкл поспешно сунул газету в ящик стола: можно подумать, что если убрать ее с глаз долой, то чувство вины станет меньше его донимать. Поведение врача категорически противоречило тем советам, которые он давал пациентам: «Не прячьтесь от своих проблем, от своих комплексов, страхов, демонов, монстров. Не засовывайте их в ящик стола».

Передозировка лекарственных препаратов...

Такое случается порой со всеми психиатрами – впрочем, ему от этого не легче. Кстати, Глория Ламарк никогда не вызывала у Майкла симпатии. Но это ничуть не уменьшало его переживаний. Его работа состояла в том, чтобы помогать людям, а не осуждать их. И он потерпел неудачу.

Хуже всего было то, что он точно знал, почему это произошло. Он ввязался в азартную игру, в которую никогда и ни при каких обстоятельствах не должен был ввязываться. Глория Ламарк оказалась к ней не готова.

Майкл снял очки, уронил голову на руки.

«Боже мой, ну как, черт побери, я мог совершить такую глупость?»

Вновь заверещал телефон. Он взял трубку, услышал голос Тельмы:

– Уже можно впустить к вам миссис Казан?

– Еще две минуты, – попросил он.

Он опять посмотрел на визитку Аманды Кэпстик, вспомнил, как она улыбалась ему через стекло в студии. Вновь ощутил тепло, которое она изучала.

И быстро, не глядя на фотографию Кейти, набрал номер. Телефонистка перевела звонок в режим ожидания, наконец трубку взяла сама Аманда. Она, казалось, была рада слышать его.

– Вы были просто великолепны, – сказала она. – Я говорю о вчерашней передаче. На меня вы произвели сильное впечатление!

– Гм... что ж... спасибо! Полагаю, вы преувеличиваете...

– Ничего я не преувеличиваю! Обязательно вставим фрагмент записи в наш фильм.

– Очень рад, – сказал Майкл. – Послушайте... гм... тут такое дело... я... – Ему вдруг стало жарко. – Одним словом, у меня есть два билета в театр «Глобус». На следующий четверг. Спектакль называется «Мера за меру». Я... я подумал, вы там бывали? Возможно, вам будет интересно?

Аманда ответила, что она в этом театре никогда не бывала. Она видела только телевизионную версию «Меры за меру», и ей, безусловно, будет очень интересно посмотреть спектакль вживую. Судя по ее голосу, искреннему и довольному, приглашение пришлось девушке по вкусу.

Майкл, ликуя, повесил трубку. Он сделал это. Они договорились о встрече!

До четверга еще семь дней, но это не имеет значения. В первый раз за три года ему есть чего с нетерпением ждать.

Внутренний телефон вновь заверещал: похоже, Тельма в приемной уже потеряла

терпение.

Но теперь для Майкла уже ничто не имело значения.

– Тина, смотри-ка, что я тебе покажу! Про тебя написали в «Ивнинг стандарт»!

Томас Ламарк склонился над операционным столом и подержал газету перед закрытыми глазами Тины Маккей.

Ее лицо было очень бледным. Под глазами синяки. Из рта капала кровь. Выглядела она плохо.

Правда, она не стала сенсацией первой полосы – там главенствовал Ольстер, однако единственной фотографией, помещенной на этой странице, был портрет Тины Маккей.

«ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РЕДАКТОРА: ПОЛИЦИЯ СКЛОНЯЕТСЯ К ВЕРСИИ ПОХИЩЕНИЯ».

– Кроме меня, никто в целом мире не знает, где ты, Тина. Что ты об этом думаешь?

Ответа не последовало.

Томас проверил ее кровяное давление: очень низкое. А вот пульс сумасшедший – сто двадцать ударов в минуту. В пакете, соединенном с катетером, мочи было всего ничего. Он ни разу не давал ей ни воды, ни еды.

«Как же я мог забыть?»

Это обеспокоило Томаса. У него постоянно случались провалы в памяти, но теперь состояние усугублялось. Он с сожалением посмотрел на девушку, пытаясь вспомнить, сколько времени она уже здесь находится. Почти неделю.

– Ах ты, бедняжка. Наверное, проголодалась и хочешь пить? У меня вовсе не было намерений превращать твою жизнь в ад. Да, я хотел сделать тебе больно. Наказать. Я хотел, чтобы ты поняла, что такое боль, Тина, потому что ты причинила немалую боль моей матери. Я собирался проучить тебя, но не планировал такой жестокости – лишать тебя еды и воды. Ты меня понимаешь?

Томас вглядывался в ее лицо, надеясь увидеть хоть какую-то реакцию, но не увидел ничего.

Он заговорил громче:

– Я приношу свои извинения, Тина. Я виноват. Я искренне прошу у тебя прощения. Ты сможешь меня простить?

Никакой реакции.

Он положил «Ивнинг стандарт» на металлический стол, где держал свои инструменты, а потом открыл «Дейли мейл» и поднес газету к ее лицу.

– В «Мейл» тоже есть про тебя. На пятой странице. Довольно много. И с фотографией. – Он посмотрел на снимок. Прическа та же, что и теперь: коротко подстриженные каштановые волосы; аккуратная одежда, приятная улыбка – внешность ответственного, располагающего к себе человека. Однако до его красавицы-матери Тине было очень далеко, и потому Томас почувствовал к ней жалость.

Пытаясь приободрить девушку, он сказал:

– Тут о тебе написано много хорошего, Тина. Оказывается, ты из секретаря издательства доросла до шеф-редактора, а теперь возглавляешь отдел документальной литературы.

Он отложил «Мейл», открыл «Миррор» и поднес к ее лицу.

– Тина, ты только посмотри. Здесь фотография твоего бойфренда. Он говорит, что не представляет, что с тобой случилось, и с ума сходит от беспокойства.

Томас внимательно рассмотрел лицо на фотографии, потом перевел взгляд на Тину. «Вот эти двое встречаются. Как они познакомились? Как стали парой?»

— Скажи мне, Тина, почему этот парень тебе нравится? Он, вообще-то, не очень красив, да и вид у него глуповатый. Почему кто-то захотел завести роман с ним, а не со мной?

По-прежнему никакого ответа.

Томас отвернулся и положил газету.

«Что я сделал с этой женщиной? — Слеза скатилась по его щеке. — Что я натворил?

Нужно как-то из этого выпутываться».

— Тина, вот ты все время твердишь, что раскаиваешься в том, что отказалась издавать книгу моей матери. Пойми, я ведь тоже чувствую свою вину. Я виноват в том, что моя мать сошла в могилу, так и не увидев свою биографию напечатанной.

Томас отвернулся и принялся выхаживать взад-вперед по бетонной камере, снова и снова обдумывая один и тот же вопрос: оставить пленницу здесь или отпустить?

Наконец он вытащил из кармана монету, подбросил ее, поймал.

Решка.

— Тина, я тебя отпускаю.

15 июля 1997 года, вторник. 4:00

Надо все закончить сегодня. Завтра похороны и поминки, и мне потребуется ясная голова. Есть много всего, о чем следует поразмыслить.

Я отправился посмотреть на Тину, но она уже ушла. Пульса нет. Я дал ей совсем маленькую дозу кураре, который парализовал ее легкие. Умерла она, наверное, быстро. Очень уж ослаблен был организм.

В целом, я думаю, пребывание здесь пошло Тине на пользу. Она оказалась значительно более способной ученицей, чем я предполагал. Я процитировал ей Сократа: «Самая сильная боль – та, которую человек причиняет себе сам». И Тине хватило ума понять это. Я рад за нее.

Я чувствую, что, обрета здесь важные знания, она в следующий раз не повторит своей ошибки. Но решать это будут уже там, наверху.

У Господа наверняка есть своя собственная монета.

На похороны никто не пришел.

Томас сидел на заднем сиденье черного «даймлера», пытаясь сообразить, в чем дело. За окном, искаженный миллионом призм, мелькал Лондон; этой части города он не знал. То ли шел дождь, то ли он плакал, а может, и то и другое – какая теперь разница?

Томас с размаху ударил ногой прямо по сиденью перед собой – тому, что было рядом со стеклянной перегородкой, разделяющей его и водителя. Увидел, что шофер чуть повернул голову и посмотрел на него в зеркало заднего вида. Ну и пусть!

Его мать умерла, и больше ничто уже не имело значения.

Кроме этого.

Никто не пришел! Только сотрудники похоронной компании – водители, люди, которые должны нести гроб, да еще некий мистер Смайт, щегольски одетый человек, выполнявший на похоронах роль распорядителя. Местный священник проигнорировал восемьдесят процентов той информации о матери, которой снабдил его Томас. И еще явился какой-то идиот-репортер с дешевой камерой – этому хватило наглости спросить у него, кто такая Глория Ламарк.

Господи милостивый!

Может быть, люди просто неправильно поняли его указания и теперь ждут в доме на Холланд-Парк-авеню? В «Таймс» опубликовали некролог, который он сам написал (у них, видите ли, не имелось информации), но про похороны там ничего не говорилось. Он сделал рассылки членам фан-клуба. Поместил объявление на сайте матери. Томас упорно отказывался признавать тот факт, что никто никогда не отвечал на его рассылки и не заходил на сайт Глории Ламарк.

Водитель, невысокий мужчина в форменной фуражке, с вождением поглядывал на проходивших мимо женщин. Томас видел, как он постоянно крутит головой туда-сюда, рассматривая очередную красотку.

Томас просто глазам своим не верил. Они возвращаются с похорон его матери, а паршивец из похоронной конторы, чья голова должна быть занята скорбными мыслями, вместо этого идет на поводу у своего похотливого пениса.

Томас подался вперед и постучал по стеклянной перегородке:

– А ну немедленно прекратите!

Водитель, испуганный и смущенный, повернул голову:

– Сэр?

Но Томас уже откинулся на спинку сиденья. Он погрозил шоферу пальцем. Тот, испытывая еще большее недоумение, полностью сосредоточился на дороге.

Возле дома тоже никого не оказалось. Томас принялся выхаживать по палатке, где планировался поминальный обед; его начищенные черные туфли от «Лобб» утопали в ковровом покрытии, которым застелили лужайку. Томас облачился сегодня в черный костюм от «Хьюго Босса», этакий летний вариант: смесь мохера и шелка, ткань слегка блестит. Под пиджаком у него была белая рубашка из «Фаворбрук»: воротник-мандарин, на шее вместо пуговицы – одна-единственная черная запонка с бриллиантом.

Томас купил эту одежду специально для похорон. Ему необходимо было показать

матери, что с ним все в порядке, жизнь продолжается. Сама она вряд ли выбрала бы для сына такой наряд, ее вкусы были несколько старомодными, но именно в таком виде он хотел предстать перед прессой: показать, что Глория Ламарк была женщиной современной во всех отношениях, что они оба шагали в ногу со временем – дети девяностых, люди третьего тысячелетия.

В палатке было душновато, но Томас не чувствовал никаких неудобств. Жара для него не проблема.

Он сильный.

Томас чувствовал, как сила разливается по его телу, по рукам и ногам. Он с важным видом расхаживал туда-сюда из одного конца палатки в другой.

За роскошной стойкой бара стояли навтыжку шестеро барменов. Пятнадцать официанток выстроились за столами, заставленными снедью. Омары. Креветки из Дублинского залива. Клешни каменных крабов. Самые лучшие устрицы. Блюда с зажаренными целиком бекасами. Кускус. Манго, гуава, маракуйя, личи. Любимая еда его матери. Сын не поскупился, приготовив угощение на три сотни человек. Тут же стояли мостки с микрофоном, откуда Томас собирался произнести речь, поблагодарить всех за то, что пришли.

Он даже пригласил церемониймейстера в ливрее, чтоб ему пусто было, уроду.

Потолок палатки был отделан рюшами, за это пришлось заплатить дополнительные деньги. Стены в зеленую полоску. Дождь молотил по крыше, выстукивая свой собственный ритм, а в дальнем углу вода просочилась в дырочку и капала внутрь.

«Проклятье! Хотя все равно никого нет, пусть себе течет».

Томас снова принялся ходить туда-сюда. Только он, шестеро барменов, пятнадцать официанток и церемониймейстер.

Репортер из местной газетенки, который присутствовал на похоронах, просто бесил Томаса. Тупая скотина в белых носках и дешевом костюме; волосы как ершик для унитаза. Да еще вдобавок напялил галстук в розово-желто-белую полоску с оранжевыми крапинками и в таком виде приперся на похороны его матери!

«Извините, меня прислал наш редактор. К сожалению, до сегодняшнего дня я не слышал о Глории Ламарк».

Это каким же идиотом нужно быть, чтобы явиться на похороны человека, о котором ты даже не слышал? Зачем? Чтобы просто стоять и ухмыляться, потому что никто больше не дал себе труда прийти? А ему самому даже не хватило такта надеть черный галстук.

В кармане у Томаса лежала визитная карточка этого сопляка: «Джастин Ф. Флауаринг». Мальчишка даже нацарапал на обратной стороне номер своего телефона. На поминки журналюга не пошел, небось совесть заела.

«Не нравишься ты мне, Джастин Ф. Флауаринг. Даже имя твое мне не нравится. Боюсь, мы с тобой станем врагами».

Официантки смотрели на Томаса. И бармены тоже. Они еще не знали, что на похороны Глории Ламарк никто не пришел.

Даже никто из ее преданных старых слуг не явился. Ни один. Наверное, обиделись, что их всех разогнали. В последние несколько лет его мать вела себя довольно странно. Она одного за другим уволила всех слуг, даже тех, которые работали у нее тридцать лет. Самой последней она выгнала уборщицу. Теперь не осталось совсем никого. Глория сказала Томасу, что хочет, чтобы они остались в доме вдвоем, без посторонних, чтобы никто не мешал их

счастью.

И все же он думал, что кто-нибудь из них сегодня придет. Из элементарного приличия. Неужели они не смогли простить свою бывшую хозяйку? Хотя бы Ирма Валущи, камеристка? Или Энида Детердинг, секретарша матери? Но они не пришли. Единственным, кто отсутствовал по уважительной причине, был Джоэл Харриман, пресс-секретарь Глории Ламарк, который недавно перенес операцию на сердце. И все равно мог бы прислать кого-нибудь из своего офиса. Разве нет? Но он вместо этого отделался долбаной телеграммой.

А что доктор Майкл Теннент? Ну, этот бы ни за что не появился. Не хватило бы смелости показать свою физиономию.

Томас прошел в кабинет матери и плотно прикрыл за собой дверь. Здесь, как и в спальне, стоял ее запах. «Шанель № 5». Запах впитался в обои и занавески, в подушки на диване и листы бумаги, на которых она каждый день писала ему записки.

На каждом листе свой заголовок. Ежедневные списки покупок: «Косметика», «Витамины», «Гомеопатические средства», «Китайские травы», «Другие лекарства», «Продукты», «Разное». Глория Ламарк ежедневно составляла для сына перечень телефонных звонков, которые следовало сделать, и писем, которые он должен был написать. Тут же лежала целая пачка счетов и всевозможных квитанций. На самом верху – счет от пресс-службы «Дюррантс».

Томас сел в массивное резное кресло возле письменного стола и внезапно, глядя на тоненькую пачку писем с соболезнованиями, почувствовал невыносимую усталость. Он избегал глаз матери. Они были здесь повсюду, смотрели на него со всех фотографий. Обвиняли.

«Ты меня подвел, идиот. Ты и меня выставил полной идиоткой».

А ведь мама права. Томас знал это. Через десять минут бармены в палатке начнут ухмыляться, сообразив, что случилось. А за ними и официантки станут хихикать. Лучше ему теперь оставаться в этой комнате, пусть распорядитель похорон сам выходит из положения. Он внес свою лепту, показал, на что способен. А теперь они все могут катиться к черту.

Томас посмотрел на единственную сохранившуюся фотографию отца. Отца он почти не знал – тот ушел из семьи, когда Томасу было всего три года. Дитрих Бух в длинном плаще стоял возле пропеллера самолета (своего собственного самолета, как сказала ему когда-то мать). Высокий мужчина, красивый, настоящий тевонец. Жесткие волосы и суровое, не улыбочливое лицо. Томасу нравилась эта фотография. В отце чувствовались спокойствие и уверенность в себе – уж этот человек ни в какой ситуации не позволит выставить себя идиотом.

Ну что же, Томас был сыном своего отца.

Он снял трубку. Телефон у них был старомодный, с дисковым, а не кнопочным набором. Мать предпочитала такие аппараты: считала, что изящнее крутить диск, чем нажимать кнопки. Он набрал домашний номер Джоэла Харримана.

И услышал мгновенно узнаваемый голос пресс-секретаря – скрипучий, противный голос школьного клоуна, который привык развлекать одноклассников:

– Томас! Привет, старина. Как дела?

Томас считал, что Джоэл Харриман потерял связь с реальностью еще два десятка лет назад. Толку от такого пресс-секретаря не было, но мать упорно отказывалась его увольнять, и Томас знал почему: этот урод был завзятым льстецом. Харриман аккуратно зачесывал на плешь волосы, носил дизайнерские костюмы в спортивном стиле и кроссовки, посещал

солярий. Он регулярно рассылал в газеты и на телевидение абсолютно бездарные, плохо напечатанные и плохо отксеренные пресс-релизы.

Однако нужно отдать должное Джоэлу Харриману – информация о дне рождения Глории Ламарк все-таки появлялась в СМИ, а изредка, когда по телевидению вновь показывали какой-нибудь старый фильм с ее участием, этому типу даже удавалось организовать интервью на местном радио.

– Вы кому-нибудь сообщили о смерти моей матери? Вы вообще хоть что-нибудь сделали? – спросил Томас, с трудом подавляя гнев.

Тон Джоэла изменился:

– Эй, приятель, что случилось?

– Скажите мне, черт побери, что вы сделали?

– Мы разослали пресс-релиз с тем текстом, который ты нам дал.

– Кому вы его разослали?

– Всем! И еще мы обзвонили тех, кому следовало сообщить об этом лично. Так, сейчас скажу: Майкл Грэйд, Дикки Аттенборо, Кристофер Ли, Лесли Филипс, Найджел Давенпорт, Далеи Грей, Майкл Деннисон, Джон Гилгуд, Майкл Уиннер, Барри Норман, Рэй Куни, Майкл Гордон, Тони Хопкинс, Шон Коннери. Томас, по-твоему, этого недостаточно? Но не следует забывать, что многие из друзей твоей матери уже либо умерли, либо стали слишком немощными, чтобы прийти на похороны.

– Я видел только один некролог. В «Таймс». Тот, который написал я сам, – заявил Томас.

– Гм... Тогда загляни в «Скрин интернешнл». Еще один появится на следующей неделе в «Вэрайети». А теперь скажи мне, старина, как там у вас дела?

– Хорошо, – тихо ответил Томас.

– Много народу на похороны пришло?

– Толпы.

– Здорово, просто здорово. Твоя мама была выдающейся женщиной. Если хочешь знать мое мнение, так ни одна из нынешних актрис Глории Ламарк и в подметки не годится.

– Мне пора идти к гостям, – сказал Томас. – Я и так с трудом урвал минутку, чтобы позвонить.

– Извини, что не могу быть сейчас с тобой. Я рад, что пришло много людей. Вот что, Томас, не вешай нос. Ты был замечательным сыном. Глории с тобой повезло. Нам всем будет ее не хватать.

Томас повесил трубку. В душе у него бушевал просто неистовый гнев.

Он окинул взглядом фотографии на стенах. Его мать тоже, бывало, просто бесилась от злости. Вот в чем беда нынешнего мира: всегда найдется что-нибудь такое, что выведет тебя из терпения. Не успеешь справиться с одним стрессом, как тут же возникает новый.

«Ты должен взять себя в руки. Иначе... Как там сказал Поуп: „О, Хаос! Царство страха твое родилось вновь!“»^[2]

Хаос.

Эффект бабочки погубит тебя. Один взмах ее прозрачных крылышек где-то далеко-далеко... Твой долг не допустить этого, ты должен поймать бабочку и оторвать ей крылышки».

Томас вытащил из бумажника визитную карточку этого желторотого репортера, Джастина Ф. Флауаринга, и уронил ее на стол. Визитка упала лицевой стороной вверх, он счел это хорошим знаком.

Достал из кармана монету, подбросил ее.

«Орел. Отлично. Предчувствие не обмануло меня: мы и впрямь станем с тобой врагами, парень».

Он набрал 141^[3], потом номер на карточке.

Джастин Ф. Флауаринг снял трубку: он уже вернулся на свое рабочее место.

Томас изменил голос, чтобы репортер не узнал его:

– Мне сообщили, что вы сегодня присутствовали на похоронах Глории Ламарк. Вы пишете заметку об этом?

– Да. Хотя писать там по большому счету не о чем. На похороны вообще никто не пришел.

– И когда ожидается публикация?

– В завтрашнем выпуске.

– Хотите, подкину вам сенсацию? Надо же как-то оживить статью!

– А что у вас есть?

– Давайте встретимся. Это не телефонный разговор.

– Кто вы?

– Пока не стану называть вам свое имя. Приезжайте, куда я скажу. Сегодня в шесть вечера. А потом можете вернуться и дописать свою заметку. Вам это понравится, Джастин. Обещаю, вам понравится то, о чем я расскажу. Вы здорово повысите свой образовательный уровень.

– Я теперь мыслю более ясно, – сказала Аманда. – Ощущаю себя увереннее. Я и вправду чувствую, что моя жизнь налаживается.

– Смотреть реальности в лицо всегда нелегко. Гораздо проще проигнорировать ее или подкорректировать, дабы увидеть все в желаемом свете.

Аманда кивнула. Она и сама сталкивалась с такой проблемой. Ей потребовалось три года посещать психотерапевта (а один сеанс стоит, между прочим, шестьдесят пять фунтов), чтобы понять реальность, в которой она существовала последние семь лет. И она наконец-то сумела посмотреть ей в лицо.

И вот теперь Аманда Кэпстик сидела в большой комнате с бирюзовыми стенами и плетеной мебелью и рассказывала все это своему психотерапевту. На паркетном полу здесь и там лежали небольшие афганские ковры, а на каминной полке стояла статуя Будды.

Ее психотерапевта звали Максина Бентам, и она являлась дальним потомком знаменитого философа Иеремии Бентама. Иеремия Бентам был страстным защитником человеческого права на счастье и верил, что люди должны быть свободны, а не ограничены всевозможными запретами, в том числе на законодательном уровне. Разделявшая убеждения предка Максина утверждала, что слишком многие наши современники существуют под гнетом вины, которая способна задушить их. Людей следует освободить от нежелательного багажа, который обременяет нашу жизнь, считала она.

Максина была крепко сбитой женщиной, не толстой, не грузной, а такой умиротворенной пышкой с добродушным лицом и светлыми, коротко подстриженными волосами и пронизательными глазами. Сегодня она была одета как обычно, в сшитое на заказ черное мешковатое платье, доходившее ей до щиколоток. На ее коротких толстых пальцах красовались массивные перстни, а на шее висел здоровенный, размером с небольшую планету, кристалл кварца.

Аманда сидела в плетеном кресле, прихлебывала мятный, уже остывший чай. Приходя сюда, она всегда чувствовала прилив энергии. Психотерапевты обычно не высказывают свое мнение, если их об этом не просят, но Аманда сразу предупредила Максину, что хочет услышать ее суждение. Максина походила на мудрую тетюшку, и Аманда в ее присутствии чувствовала себя в безопасности и очень комфортно. Хотела бы она и со своей матерью говорить так же, как с Максиной. Аманда всегда завидовала своей лучшей подруге Рокси, у которой установились с матерью такие доверительные отношения, словно они были ровесницами. Сама Аманда неплохо ладила с матерью, но они никогда не вели душевные беседы, и теперь это уже вряд ли изменится.

Ее мать относилась к поколению шестидесятых – хиппи, «дети цветов», – она так и осталась в том времени, не научившись жить по-взрослому. Аманде была гораздо ближе ее сестра Лара, хотя, признаться, она и считала жутким занудой ее мужа, банкира-трудоголика. А троих их детей, племянника и двух племянниц, Аманда просто обожала.

Максина удобно уселась на полу, прислонившись спиной к дивану, и спокойно смотрела на пациентку: ждала продолжения.

– Брайан! – сказала Аманда. – Представляете, мне даже имя его теперь не нравится! Поверить не могу, что столько лет была любовницей человека, которого звали Брайан!

Максина улыбнулась:

– Очень интересно, Аманда. Вы не помните, давно ли вам разонравилось это имя?

– Да мне вообще все в нем не нравится!

– Ну, это вряд ли. Я все еще не уверена, что вы готовы с ним расстаться. Я думаю, вы добрались до вершины одного холма, и это здорово. Но теперь вам предстоит взять другую вершину, еще более высокую.

– Я уже там! – решительно сказала Аманда. – Это точно.

– Почему вы так думаете?

Аманда смотрела на тоненькие полоски серого дневного света, пробивающиеся сквозь жалюзи. Всего в нескольких кварталах отсюда была Портобелло-роуд, и какой-то водитель на улице – то ли легковушки, то ли грузового фургона – жал на кнопку гудка: звук получался уродливый, дребезжащий.

– Потому что... – сказала Аманда. В ожидании, когда он уже перестанет наконец гудеть, она съезжилась на своем стуле, закинула ногу на ногу, потом опять села, как прежде. День стоял серый, душный. Даже в футболке и легких джинсах ей было слишком жарко в этой достаточно просторной комнате. Гудок смолк было, но тут же взревел снова. Аманда поняла, что это сигнализация. Потом, к счастью, звук прекратился. – Потому что я иду на свидание!

Пот струился с нее градом.

«Господи боже, надеюсь, я не заболела! А если вдруг заболела, то, пожалуйста, пусть я поправлюсь к завтрашнему дню».

Максина посмотрела на пациентку не то чтобы с восторгом, но с удовлетворением.

– Правда?

– Я не принимала приглашений на свидания с...

Максина не торопила ее.

Наконец Аманда улыбнулась:

– Пожалуй, лет семь уже.

– С того дня, как вы впервые легли в постель с Брайаном?

– Да.

Аманда покраснела и улыбнулась смущенно, словно школьница. Она всегда чувствовала себя здесь школьницей.

– Ну что ж, Аманда, все это замечательно. Плохо только то, как вы теперь обращаетесь с Брайаном. Я бы хотела увидеть у вас неприятие. А на самом деле вижу отрицание. Вы не отвечали на его звонки и электронные послания, вы отрицали его существование. Верно? Вот вы недавно с ним обедали, но сказали ли вы ему всю правду?

– Да.

– Вы должны были сказать: «Слушай, Брайан, ты меня обманул. Когда наши отношения еще только начинались, ты уверял меня, что твой брак себя изжил. А через месяц после того, как мы стали близки, ты вдруг огорошил меня: оказывается, твоя жена беременна вторым ребенком. Да, Линда была уже на пятом месяце и долго скрывала от тебя беременность, потому что у нее часто случались выкидыши и она боялась слезить, но для меня это было словно гром среди ясного неба!» Вы сказали ему это? – Максина посмотрела Аманде в глаза. – Конечно, после такого известия вы не могли настаивать, и развод пришлось отложить. Брайан не мог уйти от беременной жены, да и бросить ее с грудным младенцем тоже не мог. – Максина пожала плечами. – А потом у его супруги приключилась послеродовая депрессия, и он опять должен был ее поддержать. На протяжении семи лет он постоянно придумывал всевозможные причины. Он все время собирался развестись, однако

так этого и не сделал. И вот, два месяца назад, после того как Брайан уверял вас, что не занимался с женой любовью в течение последних шести лет, она вдруг опять оказывается беременной. Это становится последней каплей, вы словно бы просыпаетесь и понимаете... э-э... где находились все эти семь лет. Аманда, признайтесь: вам ведь только показалось, что во время обеда вы и в самом деле все высказали Брайану? Так?

– Нет, не так! Я действительно все ему высказала. – Она задумалась на секунду. – Правда.

– А вы при этом злились на него или были спокойны?

– Абсолютно спокойна. Я пыталась дать ему понять, что чувствую.

– Потому что все еще любите его? – предположила Максина.

– Ничего подобного! – горячо заверила ее Аманда. – Нет, я больше не люблю Брайана. Я сидела напротив него и... вообще ничего не чувствовала.

– Но так не бывает, Аманда. Что-то вы все же чувствовали. Скажите мне, что именно.

Аманда помолчала, потом ответила:

– Я подумала, как он постарел. Я его жалела. Сочувствовала ему. А когда вспомнила, что делила с этим человеком постель, мне вдруг стало противно!

Психотерапевт смотрела на нее с непроницаемым выражением лица.

– А тот, с кем вы идете на свидание, – этот человек другой?

– Абсолютно.

– Он женат?

– Нет, вдовец.

– Вы с нетерпением ждете встречи с ним? Или же для вас это свидание своего рода проверка – как вы будете себя чувствовать с другим мужчиной? Постарайтесь честно ответить на этот вопрос, Аманда.

– Ну, пожалуй, отчасти проверка. Он пригласил меня завтра в театр «Глобус», а я там еще никогда не была. И я хочу увидеть эту постановку.

– На свидания люди ходят, чтобы увидеть друг друга, Аманда. То, о чем вы говорите, похоже не на свидание, а скорее на возможность скоротать вечер вне дома. Вы ни слова не сказали мне о том человеке, который вас пригласил. Вам это не кажется странным?

– Ну... он очень интересный мужчина.

– Он вас возбуждает? Вы хотите лечь с ним в постель? Хотите иметь от него детей?

Аманда ухмыльнулась и снова покраснела:

– Эй, не гоните лошадей! Я еще...

– Что вы?

– Я еще не думала об этом.

– С Брайаном все было иначе. Вы сказали, что легли с ним в постель на самом первом свидании.

– Да, я не могла упустить такую возможность. Я, как только увидела Брайана, сразу захотела его до смерти.

– В отличие от вашего нынешнего кавалера, да?

– Ну, он мне просто нравится. Я его едва знаю. В любом случае у меня в отношении его имеются определенные планы. Я хочу использовать его в своем следующем фильме. Так что это не любовное приключение.

– Как вы сказали, его зовут? Майкл? Значит, бедняге Майклу отводится в вашем эксперименте роль подопытного кролика, верно? Вы хотите проверить, каково вам будет с

другим мужчиной?

– Нет! Все не так просто!

– Объясните, что вы имеете в виду.

– А как далеко, по-вашему, все это может завести, Максина?

– А сами-то вы как думаете?

– Не знаю. Понятия не имею. Вполне возможно, что одним свиданием дело и закончится, никакого продолжения не будет.

– Вы уверены, что вас не влечет к этому мужчине?

– Да вы, похоже, на меня давите!

– Угу! – Максина кивнула. Решительно и добродушно. – Аманда, я хочу услышать ваш ответ. Вы уверены, что вас не влечет к этому мужчине?

– Я вам отвечу на следующей неделе.

Без четверти шесть Джастин Флауаринг оставил свое рабочее место в редакции «Милл-Хилл мессенджер», ничего не сказав редактору в надежде к ночи удивить его скандальной историей об актрисе Глории Ламарк.

Он засунул в рот жевательную резинку и направился туда, куда ему велел по телефону незнакомец. Его маршрут лежал через промышленную зону, бóльшую часть которой занимали ремонтные мастерские лондонского таксопарка, за ними начинался расположенный под железнодорожным мостом туннель.

Дойдя до середины туннеля, Джастин остановился, как ему и было сказано, прислонился спиной к стене и, жуя резинку, задумался о своей карьере. Ему было девятнадцать, и он уже целый год подрабатывал в газете. Он мечтал стать спортивным журналистом и, может быть, даже известным комментатором, как его кумир Дес Линам. Джастин был юноша высокий, мускулистый, спортивный. Он надеялся, что после встречи с таинственным незнакомцем успеет вернуться в редакцию, закончить статью и захватить последние полчаса тренировки – он играл в футбол.

Джастин увидел приближающуюся машину, а за ней – фургон. Посмотрел на фургон, но тот, сверкнув красным кузовом, проехал мимо. Машины двигались плотным потоком, но белого фургона среди них не было.

Он снова подумал о странном, очень высоком человеке – сыне Глории Ламарк, который так разозлился на него сегодня на похоронах; как этот тип раскричался, когда Джастин попытался задать ему несколько вопросов о матери, можно подумать, репортер должен был вызубрить всю ее биографию.

Может, и надо было выучить. Хотя, вообще-то, он попытался узнать что-нибудь об актрисе, перед тем как ехать на похороны, даже на ее сайт зашел.

Юноша увидел еще один фургон. На сей раз белый. Напрягся, подошел к краю тротуара. Водитель мигнул поворотником и притормозил. На нем были бейсболка и темные очки. В темноте салона разглядеть его лицо не представлялось возможным.

Джастин сел и захлопнул дверь. Водитель протянул руку.

– Привет! – Голос его показался репортеру знакомым.

Когда их руки соединились, Джастин почувствовал легкий укол в ладонь, словно комар укусил. Водитель твердо сжал его руку, не желая отпускать. Джастин попытался было вырваться, но тут лицо водителя расплылось у него перед глазами.

Лицо водителя по-прежнему оставалось мутным, но теперь Джастин видел его через запотевшее стекло. Вокруг пахло сосной, он находился в сауне, и с него градом струился пот.

Джастин полулежал-полусидел, привалившись к стене. Его руки были растянуты веревками, а ноги связаны и прикручены к противоположной стене. Костюм с него почему-то не сняли. Жара стояла невыносимая, и юноша отчаянно хотел пить.

Водитель смотрел на него через стеклянное окошко в двери, сквозь облако обжигающего пара, и теперь Джастин узнал его лицо: да это же Томас, сын Глории Ламарк.

Этот человек решил сыграть с ним какую-то нелепую, злую шутку – он поместил его в сауну, на стул перед ним поставил телевизор и видеомаягнитофон (завернув и то и другое в полиэтилен, чтобы защитить от пара) и включил один из старых фильмов с участием своей

матери. На экране за штурвалом биплана сидела женщина, а мужчина – этого актера Джастин не знал – отчаянно цеплялся за крыло.

Джастин был зол на Томаса, но в то же время побаивался его. Станный какой-то тип, абсолютно непредсказуемый, такой убьет и глазом не моргнет. Юноша решил вести себя осмотрительно. Тут дверь открылась, и Джастин с благодарностью вдохнул струю прохладного воздуха.

Томас Ламарк вошел и кивнул на телевизор.

– Да будет тебе известно, Джастин Ф. Флауаринг, эта картина называется «Крылья джунглей». Лучший фильм моей матери. Тебе нравится?

Чтобы не злить его, Джастин кивнул.

– Мне очень не по вкусу твой галстук, Джастин Ф. Флауаринг. Тебе никто не говорил, что на похороны нужно приходить в черном галстуке? В простом черном галстуке.

– Нет, никто не говорил.

В глазах этого человека мелькнуло нечто такое, что напугало репортера еще сильнее.

– Кажется, тебе не слишком удобно, Джастин Ф. Флауаринг? Я думал, ты крутой газетчик, которому и жара, и холод нипочем. А теперь назови мне имена актера и актрисы на экране.

– Глория Ламарк, – ответил Джастин.

– Очень хорошо. А теперь мужчины.

Юноша беспомощно смотрел на него.

– Я же тебе говорил, – сказал Томас. – Назвал все ее фильмы, перечислил всех звезд. У тебя небось голова забита всяким артхаусным мусором, да? Тебе нравится Феллини? Жан-Люк Годар? Ален Роб-Грийе?

– Я редко хожу в кино.

– Ты, Джастин Ф. Флауаринг, должен понять, что сюжеты фильмов моей матери были простыми. Нет, ни в коем случае не примитивными, просто их отличала доходчивость. Никакого тебе артхаусного дерьма. Никакой смертельно скучной «новой волны». Но я тебе скажу кое-что, Джастин Ф. Флауаринг: Глория Ламарк была великой актрисой. И поэтому завистники уничтожили ее карьеру. Я хочу, чтобы ты запомнил это для своей статьи, понял?

Джастин кивнул.

– Таких фильмов нынче не снимают. И никогда никому уже больше не создать такого шедевра. Никогда – потому что Глория Ламарк умерла. И они убили ее. Да, убили!

Внезапный приступ ярости охватил Томаса, он сделал шаг вперед и, выплеснув на камни ведро воды, отшатнулся назад, когда над углями поднялся густой пар. Наполнил ведро еще раз и вновь вылил его содержимое на камни.

Жара стала просто невыносимой. Джастин закричал. Томас Ламарк вышел из кабинки и закрыл дверь.

Юноша лежал, мотая головой, пытаясь найти хоть одну струю прохладного воздуха в сплошном горячем пару. Пар этот обжигал его легкие, когда Джастин делал вдох. Обжигал его ноздри и глаза, а волосы уже начали хрустеть. Жара стояла такая, что мозг ненадолго обманул Джастина: ему вдруг стало казаться, будто он погружен в лед. Но это продолжалось недолго, и вскоре он вернулся обратно в раскаленный ад.

Некоторое время спустя дверь открылась. В проеме стоял Томас Ламарк; в одной руке он держал паяльную лампу, а в другой – электрическую дисковую пилу.

– Джастин Ф. Флауаринг, сейчас мы с тобой сыграем в одну игру, чтобы помочь тебе

запомнить фильмы моей матери. Я сейчас назову тебе их все снова. А когда закончу, ты повторишь. Одни только названия. Ясно?

– Да. – Голос репортера звучал слабо.

– Хорошо. Это будет забавно, Джастин. Но имей в виду: каждый раз, когда ты ошибешься, я буду отрезать тебе одну конечность. Понял?

Репортер с ужасом уставился на него.

Томас перечислил все двадцать пять фильмов, потом сказал:

– Теперь твоя очередь, Джастин.

– Не могли бы вы повторить?

– Я повторю, после того как ты сделаешь ошибку, только в этом случае, Джастин. А пока начинай.

– «К-крылья джунглей», – произнес Джастин Флауаринг.

Томас одобрительно кивнул.

– «Досье... Досье... Досье Аргосси».

Томас улыбнулся:

– Близко, Джастин, но не совсем так. Фильм называется «Досье Арбутнота»! Но ты попал почти в точку, так что я предоставлю тебе еще один шанс.

И Томас улыбнулся такой теплой улыбкой, что Джастин понял: этот парень пошутил, ничего отпиливать он ему не собирается.

Репортер тоже улыбнулся:

– Спасибо.

– Не за что, – ответил Томас. – А теперь продолжай.

– «Дьявольская гонка».

– Хорошо. Осталось всего двадцать два фильма, Джастин.

– «Штормовое предупреждение».

– Двадцать один!

– Мм... что-то там такое про Монако, да?

– Я не стану тебе подсказывать, Джастин. Ты должен сделать все сам.

Он с ненавистью смотрел на парня, на его светлые волосы, прилипшие ко лбу, на пот, стекавший по его лицу.

Не в силах вспомнить больше ни одного названия, журналист беспомощно взирал на Томаса.

– Двадцать с половиной: неважный результат, Джастин Ф. Флауаринг. Пожалуй, придется подстегнуть твою память.

Томас включил пилу и сделал шаг вперед.

Джастин закричал. Он отчаянно бился в своих путах, но те прочно удерживали его. Он видел, как диск пилы приближается к его запястью – все ниже, все ближе.

Нет, Томас наверняка остановится. Он просто пугает его.

Джастин почувствовал острую боль в запястье. Увидел алую струйку крови. Он услышал скрежет пилы и одновременно – разум юноши отупел от боли, но тело его кричало – ощутил невыносимую боль, словно его руку зажали в тиски. Бедняга закрыл глаза, его крики превратились в невнятное бульканье. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Томас держит его отпиленную кисть.

– Ты глупый мальчишка, Джастин. Это тебе наука: впредь будешь воспринимать мои слова серьезно.

Сознание Джастина было затуманено болью и шоком. Он подумал, что, вероятно, все это ему снится и он вот-вот проснется. Но потом юноша увидел пламя, вырывающееся из паяльной лампы. Услышал рев горелки. Увидел, как Томас взял ее и поднес к его культе.

Джастин закричал так, что легкие в его груди почти разрывались от крика.

Потом боль пронзила все его тело. Несчастному казалось, что мозг уже готов выскочить из черепной коробки.

А потом наступила темнота.

16 июля 1997 года, четверг, 3:00

Купите себе белый фургон.

Нет, серьезно, это лучший совет, какой я могу дать. Но только не новый и не слишком яркий, чтобы не привлекать внимания. Простой белый фургон, «форд-транзит» вполне подойдет. Или «хайас». Не имеет значения. Убедитесь, что с ним все в порядке: что электрика не барахлит, что аккумулятор заряжен. И вас не заметят. С белым фургоном вы становитесь невидимкой.

Это абсолютно точно.

А будучи невидимкой, вы сможете творить все, что захотите.

Я пробовал рассказать Джастину Ф. Флауарингу о принципе неопределенности Гейзенберга. Но он совсем не в настроении учиться и уж определенно не в состоянии усвоить зараз больше одного постулата.

Парень никак не мог уразуметь, что, как утверждал Гейзенберг, сам факт наблюдения за научным экспериментом меняет поведение изучаемых объектов. И тогда я попытался объяснить все Джастину Ф. Флауарингу на примере: одно только мое наблюдение за тем, как он в сауне смотрит фильмы с участием моей покойной матери, незаметно влияет на него, столь незаметно, что это даже и измерить невозможно.

Однако репортеришка вообще не понял, о чем я толкую.

Он еще долго пробудет в сауне. Я слежу за временем. Сейчас он смотрит «Дьявольскую гонку». Фильм продолжается девяносто восемь минут. Спускаюсь к нему через минуту, спрошу, какой следующий фильм он хочет посмотреть. Выбор огромный, после моей матери осталось столько великих картин. Я думаю, если Джастин Ф. Флауаринг просмотрит все по несколько раз, то это сильно улучшит его память.

Вообще-то, одного только фургона мало. Вам понадобятся белый фургон и кнопка – наподобие канцелярской, но несколько усовершенствованная.

Про кнопку я еще расскажу, чуть позже.

Если нужно,
Тьму вечную я встречу, как невесту,
И заключу в объятия!^[4]

Актер уходит со сцены влево. На сцену справа входит другой. Майкл понятия не имел, кто они такие. Его тело находилось в театре «Глобус», в первом ряду бельэтажа, однако мысли витали где-то далеко. Он напряженно размышлял, главным образом об Аманде.

Упоминание о смерти вернуло его к пьесе.

Пригласить девушку в театр была не самая удачная мысль. Лучше бы они сходили куда-нибудь выпить или перекусить, куда-нибудь в такое место, где можно поговорить. А теперь придется сидеть рядом с ней три бесконечных часа, не имея возможности ни побеседовать, ни толком сосредоточиться на пьесе. Да вдобавок еще кресло такое неудобное.

Его мысли перенеслись от Аманды к Глории Ламарк. Майкл чувствовал себя виноватым из-за того, что не был вчера на ее похоронах. Но как он мог пойти? Разве сумел бы он смотреть в глаза ее сыну, ее друзьям, зная, что виноват в смерти бывшей актрисы? Так что он попросту спрятался от проблемы. Опять сделал то, чего категорически не рекомендовал делать своим пациентам.

Майкла нельзя было назвать великим знатоком Шекспира. Правда, он любил некоторые его трагедии, в особенности «Короля Лира», но вот о пьесе «Мера за меру» и понятия не имел. Нужно было прочесть ее накануне, и он собирался это сделать, но так и не нашел времени. А теперь Майкл потерял нить повествования и не мог понять, кто есть кто.

Один из персонажей был герцогом Вены. Другой, по имени Анджело, весь из себя этакий пуританин, приговорил к смерти некоего Клаудио, вроде бы за то, что тот соблазнил его невесту. Но больше всех говорила женщина по имени Изабелла. Сестра Клаудио? Вполне вероятно.

В каждом театре свой запах. Его приносят потоки холодного воздуха откуда-то из глубин за сценой. Это запах кулис, старых костюмов, грима, запах волнения. Майкл знал его с детства, тогда он ходил смотреть пантомимы, которые очень любил. Но сегодня все перебивал аромат духов Аманды. Тот же самый, что и на прошлой неделе, чуть терпкий, невероятно чувственный.

Она смотрела пьесу с восторгом, так дети наблюдают за выступлением фокусника. Спектакль и впрямь увлек ее. Аманда смеялась шуткам, смысл которых ускользал от Майкла, хлопала после монологов, держалась восхитительно раскованно и, похоже, прекрасно знала пьесу. Он чувствовал себя рядом с ней необразованным мужланом.

Невежественный, скучный старпер на старой машине, давно разучившийся флиртовать.

Аманда сегодня была особенно красива и вела себя с ним холоднее, чем он рассчитывал. Вечер начался с формального рукопожатия, когда Майкл заехал за ней перед спектаклем. Аманда предложила ему выпить, это прозвучало не менее формально. Времени у них было в обрез, однако Майкл согласился. Частично из вежливости, но в основном из любопытства — хотел увидеть ее жилище.

Квартира удивила его. Он почему-то решил, что Аманда обитает в тесной комнатухе

где-нибудь на цокольном этаже или вовсе в подвале, темной, грязной – в таких в молодости жили он сам и большинство его друзей. Но она провела Майкла в большую светлую гостиную, из окна которой открывался великолепный вид на Хэмпстед, Сент-Джонс-Вуд и весь лондонский Уэст-Энд.

Много свободного пространства; паркет из полированного дуба; стены, наполовину обшитые светлыми деревянными панелями; двери, плинтусы и мебель в тон. На стенах несколько превосходных современных картин, остроумные трактовки классических сюжетов. Одна ему особенно понравилась: пародия на «Рождение Венеры» Боттичелли. Венера появлялась на свет на автомобильной парковке, выходила из разбитого «кадиллака». Кухня Аманды представляла собой стальной полигон в стиле хай-тек, напичканный самой современной бытовой техникой. Хозяйка подала ему чилийский совињон: охлажденный, в изящном высоком бокале.

Признаться, Майкл не ожидал ничего подобного от облаченной в джинсы девчонки-сорванца, какой Аманда предстала перед ним в его кабинете и в студии. А сегодня она выглядела под стать своей квартире: изысканная, необыкновенно женственная, убийственно, просто ослепительно красивая.

Вообще-то, Майкл был готов к любым неожиданностям, однако ничего подобного он даже и предположить не мог. Да, нередко при второй встрече люди представляются нам иными, а многие выглядят по-разному в зависимости от ситуации, но таких разительных изменений, как в случае с Амандой, Майкл еще ни разу в жизни не наблюдал.

Перед ним была не только красивая, но еще и очень умная, уверенная в себе молодая женщина.

И Майкл сильно смущался рядом с таким совершенством. Похоже, сегодня его уверенность в себе взяла выходной, и еще он боялся (чувство, в общем-то, совершенно ему не свойственное), что его отвергнут.

В последние три года все друзья и коллеги Майкла усиленно пытались свести его с подходящими, по их мнению, женщинами, хотя сам он отнюдь не горел желанием с кем-то знакомиться. После нескольких неудачных свиданий с дамочками, которых ему буквально навязали («Майк, ты будешь от нее в восторге, из вас получится прекрасная пара!»), он наотрез отказался участвовать в подобных экспериментах. Казалось, что весь мир полон закомплексованных разведенков, которые, словно сговорившись, выдавали ему в кафе за столом стандартные шутки: «Кто знает вас, психиатров, а вдруг вы в этот самый момент анализируете меня?»

Кейти была особенной. Красивой, добросердечной, заботливой, уравновешенной, замечательной собеседницей, великолепной хозяйкой и необыкновенно талантливым дизайнером. Она превратила их маленький дом в Патни в уютное гнездышко, а в саду создала самую настоящую сказку. Майкл с Кейти были больше чем просто любовниками и друзьями – они были половинками единого целого.

Так какого черта он сам все это разрушил?

Аманда казалась единственной женщиной, которая могла сравниться с Кейти. Но Майкл был не на уровне: бормотал что-то про погоду, пробки на дорогах и о том, как трудно в Лондоне припарковаться. Если на прошлой неделе у нее, возможно, возникали подозрения, что он старпер на потрепанном «вольво», то за те десять минут, что Майкл провел в ее квартире, Аманда наверняка утвердилась в этом мнении.

Он пожалел, что не приехал на мотоцикле. Но красный «дукати» вот уже три года

пылился в гараже. У Майкла ни разу не возникло желания прокатиться на нем.

По пути в театр они говорили о том, как меняется архитектура Лондона. Выяснилось, что тут их вкусы совпадают: обоим нравилось здание Ллойда и обоих раздражала башня в Канари-Уорф. Ну, слава богу, это уже кое-что, дело помаленьку сдвинулось с мертвой точки.

У Аманды были потрясающие ноги, но его смущала слишком короткая юбка: интересно, это теперь так носят или она намеренно его соблазняет? Майкл безнадежно отстал от моды.

Он чувствовал себя не в своей тарелке.

Актер на сцене произносил монолог:

– Но умереть... уйти – куда, не знаешь...

Лежать и гнить в неподвижности холодной...

Чтоб то, что было теплым и живым,

Вдруг превратилось в ком сырой земли...

Чтоб радостями жившая душа

Вдруг погрузилась в огненные волны,

Иль утонула в ужасе бескрайнем

Непроходимых льдов, или попала

В поток незримых вихрей и носилась,

Гонимая жестокой силой, вкруг

Земного шара и страдала... [\[5\]](#)

Возможность реабилитироваться представилась ему в первом антракте. Они протолкались сквозь толпу в бар и взяли спиртное, которое Майкл предусмотрительно заказал заранее. Они чокнулись, он заглянул в сияющие глаза Аманды.

– Ну, как у тебя сегодня прошел день? – бодро спросила она. – Чем занимался?

Он опять едва все не испортил, выпалив правду:

– Я собирал в парке собачьи экскременты.

И тут же пожалел о своих словах: это звучало не слишком гламурно и романтично.

– У меня тоже была собака, – сказала она со страстной горячностью. – И я всегда пользовалась специальным совком.

– Я не совсем это имел в виду, – пробормотал Майкл, чувствуя себя хуже некуда. – Я собирал их для одной своей пациентки.

Аманда посмотрела на него подозрительно серьезно.

– Она страдает ОКР, – поспешил пояснить Майкл.

– Чем-чем она страдает?

Тут кто-то толкнул его, пиво выплеснулось из стакана и попало на манжету рубашки. Майкл сделал вид, что ничего не заметил.

– Обсессивно-компульсивным расстройством. Она впадает в панику при виде грязи... более того, даже сама мысль о грязи наводит на нее ужас. Я собирал собачьи экскременты в баночку, чтобы принести ей, – это часть терапии.

Аманда с облегчением вздохнула. И поинтересовалась:

– А можно включить это в фильм?

– Нужно спросить пациентку, не уверен, что она согласится.

– Ничего, пригласим актрису.

Он кивнул.

– И что ты потом заставляешь ее делать с собачьими фекалиями?

– Ничего, просто смотреть на них. Это обычный способ лечения – столкнуть человека с тем, что вызывает у него страх. Пациентка боится дотронуться до дверной ручки или снять трубку телефона-автомата, и еще она одержима мытьем рук: в неделю изводит несколько кусков мыла. Одна из ее проблем в том, что она не может пройти по улице мимо собачьих экскрементов. Едва завидев их, сразу поворачивает назад. И вот мы начинаем с малого – я пытаюсь уговорить больную дотронуться до дверной ручки. Мне нужно попытаться убедить ее в том, что опасность заражения ничтожна, проблема гнездится в мозгу.

Аманда ухмыльнулась и отпила из бокала пива.

– Меня вдохновляют твои методы лечения.

Майклу нравилось, как она пила пиво, прихлебывая его и явно получая от этого удовольствие. Полное отсутствие жеманства делало ее еще более привлекательной. Кейти ненавидела пиво.

«А ведь я их сравниваю».

Непосредственность – вот что ему по-настоящему нравилось в Аманде. Она была элегантна, красива, но в то же время чувствовалась в ней какая-то сумасшедшинка, и уже не в первый раз за этот вечер Майкл ловил себя на мысли: а какова, интересно, она в постели?

У него возникла эрекция. Майклу хотелось набраться смелости и обнять девушку, но он боялся, как бы она не решила, что это чересчур, а потому каждый раз, когда их тела соприкасались, отстранялся от нее.

А как было бы хорошо прикоснуться к ее руке или откинуть прядь светлых волос, упавшую Аманде на лоб. Ее кожу покрывал нежный загар. Он увидел у нее на руках несколько веснушек в золотистом пушке волос, и это показалось ему очень сексуальным.

«Ты великолепна, ты невероятно, просто потрясающе красива. Мне нравится, как ты выглядишь, мне нравится, как ты обустроила свою квартиру. Я хочу узнать тебя поближе. Я очарован, по-настоящему очарован!» – думал Майкл.

Но вслух он сказал:

– Если тебе интересно, я могу начертить кривую привыкания.

– А что это?

– Такой график. Он строится в координатах «страх» и «время». В первый раз, когда я показываю пациентке банку, кривая резко уходит вверх. Во второй раз она будет уже ниже, и так далее.

«Боже, Майкл, ты безнадежен. Ну просто великий соблазнитель. Пригласил девушку на свидание и развлекаешь ее рассказами о собачьих какашках».

Позднее, когда спектакль закончился и они вышли из театра, Майкл сообщил Аманде, что у него заказан столик в ресторане «Плющ», в Ковент-Гардене.

– Ну и ну! – воскликнула она. – Это же один из моих любимых ресторанов! Как ты узнал? Ты телепат?

Аманда подумала, что это весьма любопытное совпадение: «Плющ» был дочерним рестораном «Каприза», куда ее водил Брайан, но только более скромным, без лишней показухи. И сам Майкл тоже гораздо скромнее Брайана, который весь на понтах.

– Я психотерапевт, – серьезно ответил он. – Я знаю все.

Аманда улыбнулась, заглянула ему в глаза и ничего не сказала. Майкл на мгновение отвлекся, засмотревшись на «феррари» с откидным верхом – красивая машина громко

ревела, пытаясь пробиться сквозь образовавшийся затор.

И никто из них не заметил белый фургон, припаркованный на другой стороне улицы, как раз напротив входа в ресторан.

Элегантно одетая пожилая дама тоже не заметила белый фургон.

Такси остановилось у ее красивого белого многоэтажного дома в стиле Регентства, выходящего фасадом на набережную. Водитель припарковался почти прямо перед белым фургоном. Было четыре часа дня.

Рукой, облаченной в белую перчатку, дама протянула таксисту купюру в пять фунтов и любезно улыбнулась, хотя и не без труда, потому что ее кожа после подтяжки (уже пятой по счету) была натянута, словно на барабане.

– Сдачи не надо.

– Десять пенсов? Спасибо, дорогая! Вот так щедрость!

С той же любезной улыбкой на лице, держа в руке фирменный пакет универмага «Ханнингтон», она направилась к подъезду. Пожилая дама двигалась медленно, но с достоинством, и осанка у нее была отличная: спина прямая, голова поднята высоко. Ветер трепал шелковый шарф под широкополой шляпкой.

Послышался звон – десятицентовая монета упала на асфальт у ее ног.

– Оставь сдачу себе, старая перечница! Тебе десять пенсов явно нужнее, чем мне!

Дама повернулась и показала водителю палец. И еще для верности, чтобы у него не осталось сомнений, покачала рукой вверх-вниз.

Ужасный, невежественный человек. Неужели этот таксист не знает, кто она? И откуда он только такой взялся! Неужели не смотрел вчера телевизор? Не читал сегодняшних газет? Не в курсе, что она получила премию Британской академии кино и телевидения?

Да, ей вручили награду «За выдающийся вклад в искусство кинематографии»! Вчера вечером.

А этот кретин-извозчик даже не узнал ее. И еще ждал чаевых! Мало того что во всех газетных киосках сидят невежественные иностранцы, так теперь еще приходится мириться с тем, что ее не узнают водители такси. Нет, ну какой невоспитанный тип, не предложил даме донести сумку с покупками хотя бы до входной двери!

Пожилая леди вошла в здание, мучительно долго, поскольку у нее болели ноги, поднималась на третий этаж, прошла по коридору до своей квартиры, вставила ключ в замочную скважину и слегка удивилась, когда дверь сразу открылась: обычно она всегда запирала ее на два оборота. Дама вздохнула: видимо, сегодня забыла, в последнее время память все чаще ей изменяла.

На полу лежало несколько поздравительных открыток. Хозяйку квартиры встретил запах свежих цветов, ей все утро приносили букеты.

– Кора Берстридж!

Радость оттого, что она услышала собственное имя, да еще вдобавок произнесенное таким приятным голосом, была несколько омрачена тем, что оно прозвучало откуда-то из глубины квартиры, причем несколько секунд спустя после того, как она заперла дверь изнутри и навесила цепочку.

Дама повернулась и увидела высокого и красивого молодого человека, который протягивал ей руку для приветствия. Выглядел он так дружелюбно и презентабельно, что Кора Берстридж, моментально позабыв про все свои опасения, протянула незнакомцу руку для пожатия.

И тут же сквозь перчатку почувствовала слабый укол в ладонь.

Мужчина, не переставая улыбаться, держал ее за руку. У нее вдруг начала кружиться голова. Она услышала его голос:

– Меня зовут Томас Ламарк. Я хотел поговорить с вами о роли, которую вы украли у моей матери.

Он не выпустил ее руку и когда она медленно осела на пол.

Томас немного подождал, а потом извлек из кармана маленькую жестяную коробочку, которую час назад купил на набережной, в магазине «Все для рыбалки». Он открыл жестянку, заглянул внутрь и поморщился при виде извивающихся внутри маленьких белых личинок. В нос ударил мерзкий запах.

Он послал личинкам воздушный поцелуй, после чего снова закрыл крышку.

- Ну?
- Что «ну»?
- Да брось прикидываться! Как все прошло?
- Ты про что?
- Как прошло твое свидание? Второе свидание!

Похоже, опять проблемы с мобильной связью. Сотовый издал два резких гудка и замолчал. Аманда, одетая сегодня в шелковый пиджак леопардовой расцветки и черную футболку, покрутила в руке телефон, а затем нажала кнопку вызова. Лулу, ее ассистентка, ответила почти мгновенно.

Поток машин чуть продвинулся вперед, но потом снова замер. Проскочить перекресток на следующий зеленый сигнал ей не удастся. Рядом с Амандой остановился грузовик, грохот его мотора заглушал голос Лулу. Дизельный выхлоп бил прямо в лицо. Она заговорила громче:

– Я буду через десять минут, Лулу. Кто-нибудь уже пришел?

– Нет.

«Слава богу!»

– Извинись за меня, когда они появятся.

– Если хочешь, я им объясню, что у тебя было бурное свидание с любовником и поэтому ты...

– Не было у меня никакого свидания с любовником, ясно?

– Ясно-ясно! Успокойся! Расслабься! Это не лучший способ начать день, Аманда. Никогда не стоит начинать со стресса. Стресс сам тебя найдет, его не нужно искать.

– Господи Иисусе, Лулу, где это ты вычитала?

– У Джорджа Джина Натана. Он написал: «Ни один человек не может мыслить трезво, если у него сжаты кулаки». У тебя кулаки сжаты, Аманда?

– Еще минута – и сожмутся, – сказала она.

И снова связь прервалась. Аманда была на грани срыва. Ее ассистентка Лулу, маленькая, с глазами навывкате, была девушкой доброй. Но порой и она могла довести до белого каления.

Дальше Аманда ехала молча. Двадцать пять минут десятого – в Лондоне это не самое удачное время, если ты куда-то спешишь. Пробки просто дикие. А ведь она хотела приехать сегодня пораньше: нужно было подготовиться к совещанию с двумя сценаристами из «Англия телевижн», обсудить понравившуюся ей идею нового фильма. А она вместо этого опаздывает, что совершенно некстати.

Это все Майкл Теннент виноват.

Пятнадцать минут спустя, запыхавшаяся и покрасневшая после того, как пробежала полмили с Поланд-стрит, где она на многоэтажной парковке оставила машину, Аманда Кэпстик открыла дверь здания, в котором находился их офис (он располагался на Мэдокс-стрит, всего в нескольких ярдах от Нью-Бонд-стрит), и вошла в узкий коридор. На первом этаже табличка «20–20 Вижн продакшн» (черные буквы, тисненые по новой технологии на органическом стекле) красовалась в ряду других, которые выглядели гораздо скромнее. В этом здании также размещались рекрутинговое агентство, компания по импорту

итальянской кожгалантерии и еще одна контора (название ее было выполнено арабской вязью), которую возглавлял упитанный выходец с Ближнего Востока, сидевший в крохотном офисе на чердаке.

Дверь захлопнулась, отделив Аманду от автомобильных выхлопов, такси и грузовых фургонов, вереница которых растянулась аж от светофора на Бонд-стрит. Она преодолела два пролета лестницы, более крутой, чем северный склон Эвереста.

«Это ты виноват, что я опоздала, Майкл Теннент!»

Они покинули ресторан «Баклажан» самыми последними. Аманда толком и не помнила, что там ела. Они все говорили, говорили и не могли наговориться.

Она пригласила его к себе на кофе, и они продолжали беседовать, когда за окнами уже стало светать. И тогда Майкл ушел, сначала неловко пожав ей руку, а потом так же неловко поцеловав на прощание. Это было без двадцати пять.

Обычно Аманда заводила будильник на семь. Но после ухода Майкла она решила переставить его на семь тридцать, чтобы поспать лишние полчаса. Это оказалось роковой ошибкой. Поскольку глаза у нее уже закрывались, она что-то напутала со временем. Сегодня утром она проснулась от телефонного звонка и страшно перепугалась, увидев, что уже без четверти девять.

Звонил Брайан. Он надеялся встретиться с ней утром до работы. Говорил, что очень хочет ее увидеть, дескать, без нее его жизнь превратилась в ад.

Аманда поблагодарила Брайана за то, что он ее разбудил. Потом посоветовала ему пристегнуться к ракете «Скад» и улететь куда подальше.

Не успела она войти, как Лулу сунула ей в руку кружку кофе. Аманда с благодарностью взяла напиток, сделала несколько глотков, потом спросила одними губами:

– Они здесь?

– Только что звонили. Застряли на трассе М4. Там грузовик перевернулся, так что они появятся не раньше чем через полчаса. Бог сегодня на твоей стороне.

Лулу носила круглые очки, в которых казалась совсем уж пучеглазой. Она так обильно поливала гелем свои жесткие черные волосы, что слегка смахивала на дикобраза. Роста Аманда была маленького – всего четыре фута девять дюймов. Она носила армейские штаны и черные ботинки на толстой подошве, отчего выглядела мужеподобной. Но не подумайте, что Лулу была лесбиянкой. Напротив, она была помешана на мужчинах и постоянно меняла любовников, так что Аманда уже со счета сбилась.

– Значит, так, – сказала ассистентка, – звонил Крис Пай с Би-би-си. Он появится только во второй половине дня. Арч Дейсон из «Флекстек» просил тебя срочно с ним связаться. И еще только что звонил Брайан.

В «20–20 Вижн» работало десять человек, но сегодня тут стояла тишина. Остальные сотрудники отправились на съемки, и на хозяйстве остались Аманда и Лулу. Лулу вообще все здесь держала под контролем. Официально она числилась ассистенткой Аманды, однако на деле совмещала обязанности секретарши, девочки на побегушках, редактора и рецензента.

Компания «20–20 Вижн» специализировалась на обличительных документальных фильмах, которые рассказывали о коррупции в строительной отрасли, о нарушениях запрета на торговлю оружием, об утаивании правительством хранилищ для ядерных отходов. Они собрали множество всевозможных наград, а три года назад даже номинировались на «Оскар» за короткометражку о продаже русским террористам ядерного оружия.

Аманда утаила от Майкла Теннента всю правду о документальном фильме, над которым

они сейчас работали. Сказала, что это будет честный взгляд на методы современной психиатрии и психотерапии. На самом деле у их картины была другая цель: они хотели показать, как психотерапевты могут искалечить жизнь человеку; весь мир нынче буквально подсел на психотерапию, а так называемые врачи имеют немалую власть над своими пациентами. Да, они обрели власть даже над их жизнью и смертью.

Аманда прошла к себе в кабинет и, встав возле рабочего стола, принялась перебирать стопку конвертов. Вообще-то, на кабинет это помещение походило мало: тесная комнатуха с грязным окном, выходящим прямо на пожарную лестницу. Аманда, однако, оживила интерьер двумя эротическими литографиями Эгона Шиле и рекламными постерами двух предыдущих фильмов компании, в создании которых она участвовала: один рассказывал о нечистоплотных фармацевтах, не пропускавших на рынок новое средство от язвы желудка, а второй – об опасности искусственного интеллекта.

Лулу вошла следом за ней:

– Ну и как оно – второе свидание?

Вопрос повис в воздухе.

Аманда протиснулась к своему стулу и села; стул при этом издал дребезжащий звук – в сиденье перекосилась какая-то пружина.

– Это было не свидание, – пробормотала она наконец, стуча по клавиатуре: надо проверить электронную почту.

Лулу с вызывающим видом стояла перед ее столом, уперев руки в бока.

– Значит, не свидание? А что же тогда?

– Просто рабочая встреча.

– Ну-ну, ты можешь говорить мне что угодно. Однако выражение твоего лица свидетельствует совершенно об ином. И что, в прошлый раз у тебя тоже была просто рабочая встреча?

– Нет, тогда мы ходили в театр. Я согласилась пойти с Майклом только потому, что прежде никогда не была в «Глобусе», – пояснила Аманда.

– А вчера ты пошла в «Баклажан», потому что прежде никогда не была в ресторане?

В папке «Входящие» Аманда увидела письмо от Майкла Теннента. Но не открывать же его при Лулу. Она мысленно приказала ассистентке уйти из кабинета.

Однако та не унималась:

– Между прочим, этот мужчина очень тебе подходит.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь даже ни разу его не видела.

Теперь Лулу по-настоящему ее раздражала. Аманде хотелось как можно скорее прочитать письмо.

– Он старше тебя. А ты лишилась отца, когда была еще совсем малышкой, причем твоя мать так больше и не вышла замуж. Ты подсознательно ищешь мужчину-отца.

– Лулу, отстань от меня, а? Скоро люди приедут, а у меня еще ничего не готово.

– Да, ну и неделька у тебя выдалась, просто жуть! В понедельник – церемония награждения в Британской академии кино и телевидения. Вечером во вторник – любовные похождения с психотерапевтом! Давай я тебе сделаю глазную ванночку. Ты ведь не хочешь, чтобы посетители подумали, будто ты провела бессонную ночь, готовясь к встрече с ними?

С этими словами Лулу вышла из комнаты, улыбаясь во весь рот.

Аманда достала черновой вариант сценария. В фильме предполагалось рассказать о том, что использование фермерами пестицидов может привести к экологической

катастрофе. Она прочитала первый абзац.

А потом открыла послание от Майкла Теннента. Он отправил его час назад, и оно было совсем коротенькое: «Я не видел тебя целых четыре часа и очень соскучился».

Иногда, сидя поздно ночью у себя в кабинете за монитором компьютера, Томас Ламарк воображал, что на него светят лучи тропического солнца.

Он представлял себе, каково бы это было – отправиться во Флориду, в Клируотер-Спрингс, в гости к своему другу Юргену Юргенсу, которого он никогда не видел, хотя и играл с ним в шахматы по Интернету. Он даже не представлял себе, как этот человек выглядит.

Сегодня он послал ему письмо по электронной почте.

Юрген!

Спасибо Вам за добрые слова о моей матери, они очень меня утешили. Я и не представлял себе, как ужасно мне будет без нее. Я всегда боялся, что если мама умрет, то я буду тосковать по ней, но все оказалось гораздо хуже. Мама словно бы являлась буфером между мною и пропастью забвения: пока она была жива, между мною и небытием стояло целое поколение, а теперь там ничего нет.

Меня постоянно терзает чувство вины – был ли я хорошим сыном? В глубине души я знаю, что не был. Я мог бы делать гораздо больше для того, чтобы мама была счастлива. Теперь мне остается только попытаться искупить свою вину всеми доступными способами.

Боюсь, маме уже все равно, но, по крайней мере, это поможет мне смириться со своей утратой.

Честно говоря, я нынче очень зол. А все из-за того, что могила моей матери пребывает в ужасном состоянии. Сегодня вечером я ездил на кладбище, хотел сообщить ей кое-какие хорошие новости, и вид ее могилы меня просто потряс. Нельзя так относиться к человеку только потому, что он мертв.

К сожалению, пока там нет памятника (мне объяснили, что сразу ставить нельзя, так как земля должна осесть). Но неужели могила сама по себе должна иметь такой жуткий вид? Я увидел большой уродливый холмик. Он вовсе не похож на могилу, скорее на перекопанный земельный участок. Я собираюсь серьезно поговорить с работниками кладбища.

Я не допущу, чтобы моя мамочка лежала в грязи, словно какая-нибудь картофелина.

Я встретил на кладбище какого-то бородатого придурка (Вы понимаете, о ком я говорю, – этаким невоспитанный тип в теплой куртке и сандалиях на босу ногу), который стал мне объяснять, почему принято рыть такие глубокие могилы: якобы разложение человеческой плоти опасно с точки зрения распространения инфекций. Выделяются всякие там химические вещества, газы и бактерии. В некоторых почвах должно пройти больше сотни лет, прежде чем труп перестанет быть угрозой для здоровья окружающих.

Меня это его заявление покорило. Она – моя мать. Я хочу думать о ней как об уважаемом человеческом существе, а не о разлагающемся трупе и угрозе для здоровья, черт побери.

Вероятно, теперь быть мертвым некорректно с политической точки зрения.

Если ты мертв, то непременно оскорбляешь этим какое-нибудь очередное меньшинство.

Мы живем в странном мире.

Ваш друг Томас

23 июля 1997 года, среда

Единственный настоящий друг, который был у меня, теперь мертв. В этом доме словно бы погас свет.

Джастин Флауаринг в сауне все еще жив. По крайней мере, он подает признаки жизни, если только это можно назвать жизнью. Прежде он хныкал, но теперь молчит. Я не чувствую к нему той жалости, которую испытывал к Тине Маккей. Возможно, я становлюсь черствым.

В этой комнате холодно. Но в холоде есть своя красота. Равно как и в том предмете, что стоит сейчас передо мной на столе. Да, красота. И сила. И еще знание и мудрость. Эта машина необычайно умна. Компьютеры непременно нужно уважать. Вот я, например, уважаю свой компьютер, и он чувствует это. Он платит мне благодарностью. Дает мне все, что нужно. И сегодня он даст мне врача, имеющего практику в Челтнеме, и одного из его пациентов.

Первого зовут Шайам Сундаралингам, а второго – доктор Теренс Гоуэл. Знаете, почему у врача такая странная фамилия – Сундаралингам? Да потому, что он по национальности тамил. В Индии полным-полно тамиллов, а вот в Англии они встречаются значительно реже.

Я, кажется, не упоминал прежде, что имею большие способности к подражательству. Бывало, я часами развлекал мамочку, подражая голосам персонажей фильмов и сериалов. Ей это очень нравилось. Стоит мне один раз услышать какой-либо голос – и пожалуйста, я запросто могу его воспроизвести. Наверное, я смог бы сделать карьеру пародиста. Как тот парень на телевидении, никак не могу вспомнить его имя. Но теперь уже поздно.

Вообще-то, у меня бывают проблемы с памятью, причем я не могу объяснить это усталостью. Я забываю все подряд – имена, события, то, что собирался сделать. Иногда создается такое ощущение, будто выпадают целые временные отрезки. Однако случаются периоды, когда у меня с памятью полный порядок.

Вот такие пироги.

Электронный мир создает свою собственную реальность – и в этом его особенность. Если в компьютере сказано, что мы существуем, значит так оно и есть! Мы существуем благодаря записям о нашем рождении и выдаче водительских прав, банковским счетам и кредитным историям, штрафам за нарушение правил дорожного движения и налоговым декларациям. Сегодня наши биологические тела – всего лишь телесные «копии» электронных записей о нас. Мы переходим из эпохи человека биологического в эпоху человека цифрового.

И новые технологии очень легко использовать для создания нового человека. Предельно просто. Тут любой начинающий хакер справится. Внесите данные о новом персонаже в электронную базу. Не забудьте придумать ему убедительную кредитную историю, указать, в каких учебных заведениях он получал образование, где лечился. Для пущего правдоподобия добавьте парочку штрафов за превышение скорости – и вот вам пожалуйста: полноправное человеческое существо, которое впредь может по своему усмотрению распоряжаться деньгами на банковском

счете, зарегистрировать автомобиль, заводить кредитки, приобретать телефон.

Да вообще делать все, что угодно.

Например, всего несколько дней назад не существовало никакого доктора Шайама Сундаралингама из Челтнема, равно как и его пациента, доктора Теренса Гоуэла.

А сейчас, в среду, 23 июля, в 3:30 ночи, родился доктор Теренс Гоуэл, гражданин США. Это вполне уважаемая личность, ему тридцать восемь лет, он родственник знаменитого британского астронома сэра Бернарда Лавелла, сотрудник Исследовательского института Скриппса; раньше он преподавал астрономию в Массачусетском технологическом институте и был членом Особого президентского консультативного комитета по поиску внеземного разума, учрежденного Рональдом Рейганом.

В 1993 году журнал «Нэйчер» опубликовал его статью, где убедительно доказывалось существование внеземных цивилизаций.

Последним принадлежавшим ему в США автомобилем был «инфинити» 1994 года выпуска. В январе 1995 года доктор Теренс Гоуэл был оштрафован за нарушение правил парковки, штраф оплатил сразу же. В июне 1995 года он переехал в Великобританию, куда его пригласили на должность консультанта в новой секретной службе – Центре правительственной связи по прослушиванию и мониторингу.

Гоуэл вдовец: в 1993 году его жена Ли погибла в автокатастрофе, за рулем автомобиля в тот день сидел он сам.

В настоящее время доктор Теренс Гоуэл проживает в Челтнеме. Он не чужд благотворительности: в декабре 1995 года подписал с Королевским фондом по исследованию онкологических заболеваний договор, по которому обязуется в течение пяти лет перевести на его счет пожертвования в сумме шести тысяч фунтов.

Теренс Гоуэл вступил в местный шахматный клуб и приобрел шестнадцатиклапанный «форд-мондео». Этот автомобиль классом ниже «инфинити», но зато прекрасно подходит для узких глостерширских дорог.

А еще доктор Гоуэл недавно подал заявление о приеме в Менсу^[6], его ай-кью составляет 175 (тут я проявил излишнюю скромность – мой собственный ай-кью выше).

Адрес электронной почты Гоуэла: tgoel@aol.com

У него есть свой собственный веб-сайт в Интернете.

Теренс Гоуэл – один из тех людей, кто мог бы стать моим добрым другом. Уверен, что он сослужит мне хорошую службу. Но сначала я должен окончательно убедиться, что этот человек мне подходит. Я подвергну его самому важному испытанию.

Подброшу монету.

Майкл ехал по обсаженной рододендронами подъездной дорожке Шин-Парк-Хоспитал, а радиоприемник в «вольво» играл «Georgia on my Mind»^[7].

Время близилось к половине девятого. Песня еще звучала, когда доктор въехал на парковку, а потому он не выключал зажигание, желая дослушать до конца. Однако на всякий случай закрыл окно, чтобы коллеги не спрашивали, почему он не выходит.

Майкл гадал, прочла ли Аманда его письмо. Наверное, глупо было посылать его.

Он сделал это под воздействием момента. Он действительно тогда скучал по ней... да и теперь очень скучает.

И Джорджия тоже была в его мыслях. И не только в мыслях, его сердце билось в ритме песни. Неторопливый хриловатый голос Рэя Чарльза болью отдавался в груди Майкла.

Утро выдалось отличное. Аманда поставила вчера компакт-диск с записью этой песни, пока они сидели и разговаривали. Майкл не слышал ее уже лет двадцать, наверное, а вот теперь – во второй раз за несколько часов. Может быть, это знамение?

Майкл не то чтобы очень верил в знамения, но и полностью их тоже не отвергал.

Майкл полагал, что если Бог и впрямь существует, то наверняка у Него есть занятия поважнее, чем выстраивать стаи ворон в небе определенным образом, или выпускать черных котов на дорогу, или сажать людям на ладони божьих коровок, чтобы они думали, что выиграют в лотерею. Хотя, возможно, Господь просто развлекается таким образом, от скуки шутит над людьми. А что, если Бог забрал Кейти, а теперь намеревается дать ему взамен Аманду? Все может быть.

«Как мухам дети в шутку, нам боги любят крылья обрывать»^[8].

Он вошел в здание и тут же столкнулся с одним из своих коллег, Полом Стрэдли. Полу требовался совет Майкла: один из его пациентов страдал боязнью рвоты.

– У него просто опасения или настоящая фобия? – спросил Майкл, почти не пытаясь скрыть раздражение. Он хотел поскорее добраться до своего кабинета, посмотреть, не ответила ли ему Аманда, и выпить кофе покрепче.

Пол Стрэдли был маленьким нервным человечком с беспокойным лицом и вечно растрепанными волосами. Сегодня он надел коричневый костюм, который был ему явно коротковат, а потому скорее напоминал старомодного кабинетного ученого, чем известного психиатра, имеющего впечатляющий список публикаций.

– Он боится есть: опасается, что еда застрянет у него в пищевode. Употребляет исключительно жидкую пищу, да и к той относится с подозрением, сто раз все перепроверяет. Больной сильно похудел, и меня очень беспокоит его состояние.

Стрэдли с отчаянием взирал на Теннента. Майкл всегда считал, что у Пола и самого с головой не все в порядке, возможно, даже в большей степени, чем у некоторых его пациентов. Хотя для психиатров это обычное дело.

Он и сам иной раз сомневался в собственной нормальности.

«Да уж, все мы хороши. Эти бедолаги приходят к нам, платят по сто фунтов в час, потому что думают, будто у нас есть ответы на все вопросы. А мы лишь выписываем им таблетки и позволяем говорить, пока они сами не назовут нам причину своих страхов. Или пока им не надоест.

Или, – вдруг подумал он, обуреваемый чувством вины, – пока пациенты не кончают с

собой».

Майкл попытался обойти Пола.

– Слушай, давай обсудим это позднее, а?

Стрэдли неловко дернулся, снова становясь на пути коллеги.

– Когда именно?

– Не знаю. У меня сегодня трудный день, и я опаздываю на утренний обход.

– Может, поговорим в столовой за обедом?

Майкл неохотно кивнул: вообще-то, он собирался сегодня просто взять сэндвич и спокойно посидеть на берегу реки.

Стрэдли отошел в сторону, пропуская его. Майкл двинулся по коридору, потом по величественной лестнице с перилами. Огромный холл занимал большую часть первого этажа. В этом помпезном помещении с колоннами и высоким лепным потолком диссонансом смотрелись стойка регистратуры, сделанная из искусственного дерева, и металлические и пластиковые стулья для посетителей.

Майкл быстро обошел стационарных пациентов, изучил их медицинские карты, спросил, как они себя чувствуют, и сделал новые назначения, а потом взял у Тельмы список тех, кто записался к нему сегодня на прием.

Без десяти девять в его кабинет втиснулась разношерстная команда: две медсестры, врач-стажер, психолог и социальный работник; дважды в неделю доктор Теннент устраивал летучки, на которых обсуждалось состояние больных. В начале десятого все разошлись.

Первый пациент, записанный сегодня на прием, еще не появился. Вот и хорошо.

Даже не сняв пиджак, Майкл сел за компьютер и открыл почту. Двадцать восемь новых писем, в основном от коллег – психиатров и психологов. Среди входящих был также запрос о продолжительности доклада, который ему предстояло сделать на сентябрьской конференции в Венеции. Пришло письмо от его брата Боба из Сиэтла: тот, как обычно, рассказывал о жене Лори и детях (Бобби-младшем и Британи) и интересовался, давно ли Майкл навещал родителей.

Письма от Аманды Кэпстик не было.

Но это его не очень обеспокоило – наверное, сильно занята на работе. Пока еще рано волноваться.

Однако в десять часов письма от Аманды по-прежнему не было. И после ланча тоже. И в пять часов вечера.

Глупо, что он написал ей.

Аманда – разумная молодая женщина с сильным характером. Ее сопливыми сантиментами не только не завоеешь, но, наоборот, отвадишь.

Последний пациент сегодня был записан на пять пятнадцать. Майкл мог передохнуть четверть часа. Он сделал несколько записей в предыдущей истории болезни, поставил ее в шкаф.

«Джорджия в моих мыслях» – песня все еще звучала у него в голове. Никак не смолкала. «Аманда в моих мыслях».

Из открытого окна доносился запах свежескошенной травы. Майкл зевнул, пододвинул стул поближе к столу, потом наклонился вперед, положил голову на руки и закрыл глаза. Позволил памяти унести его в прошедшую ночь.

Выглядела Аманда просто обворожительно. Длинный шелковый пиджак леопардовой

расцветки, черная футболка, короткая черная юбка, изящный золотой браслет на запястье. С каждой новой встречей она казалась ему еще красивее, чем прежде. Сейчас Майкл попытался снова представить себе Аманду, но странным образом не мог этого сделать.

Он видел лишь отдельные ее черты. Искорки смеха в глазах. Зубы – белые, ровные, крупные; это придавало Аманде чувственность, и ему хотелось поцеловать ее. Майкл вспоминал гибкие руки, крохотные морщинки-лучики в уголках глаз, когда она улыбалась, движение головы, которым Аманда отбрасывала назад волосы, запах ее духов. «Келвин Кляйн». Он видел флакон у нее в ванной.

Что говорил язык ее тела?

Аманда вовсе не собиралась бросаться в его объятия – тут нет никаких сомнений. Но, с другой стороны, она не сделала и ничего такого, что говорило бы о ее желании дистанцироваться от него. Она вела себя нейтрально, не покидая зону личного пространства. Но в то же время постоянно смотрела на него, и Майкл воспринял это как положительный знак. Она тепло улыбалась ему, смеялась искренне и открыто.

Но он чувствовал, что очень мало узнал про нее, по крайней мере, про ее любовную жизнь, а ведь именно это и вызывало у него любопытство. У Аманды абсолютно точно были какие-то отношения, которые ее тяготили. И когда Майкл попытался поднять эту тему, она, казалось, почувствовала себя неловко.

Загудел интерком. Следующий посетитель ждал в приемной. Новый пациент.

Майкл спешно открыл чистый бланк истории болезни, который приготовил заранее, и посмотрел на направление. Этого пациента прислал к нему некий Шайам Сундаралингам из Челтнема, врач общей практики. Майкл никогда о таком не слышал, но в этом не было ничего удивительного, не мог же он знать всех врачей в Англии.

Доктор Сундаралингам диагностировал у своего пациента клиническую депрессию и хотел, чтобы его проконсультировал именно Майкл Теннент. В этом тоже не было ничего необычного: он приобрел известность благодаря передаче на радио и статьям, а потому многие люди хотели попасть именно к нему. Первый раз Майкл принимал всех сам, а потом, учитывая и без того бешеную нагрузку, оставлял себе только тех пациентов, которые представляли для него интерес, а прочих передавал другим врачам.

Новому пациенту было тридцать восемь лет.

Его звали Теренс Гоуэл.

– Ну хорошо, Аманда, я думаю, это будет полезно. Опишите мне Майкла Теннента.

Аманда сидела в оклеенном бирюзовыми обоями кабинете своего психотерапевта, и здесь, в просторном тихом помещении, за жалюзи, защищавшими от лучей предвечернего солнца, она впервые за день почувствовала себя спокойно. Девушка откинулась на спинку удобного плетеного кресла, закрыла глаза, собралась с мыслями.

– Он... я... гм... пожалуй, тут трудно дать однозначное определение. Майкл напоминает мне персонажа какого-то фильма. Интеллектуал, но не кабинетный ученый, а из тех, кто не растеряется в экстремальной ситуации. Ну, этаким Харрисон Форд из «Индианы Джонса». Или, может, Джефф Голдблум – ему присуща такая же спокойная уверенность, как у Голдблума. Знаете его?

Максина Бентам, сидевшая на полу возле дивана в своей любимой позе, кивнула.

– Он снимался в «Мухе». И в «Парке юрского периода».

– Да.

– Вот что, Аманда, давайте-ка проанализируем эти роли. В «Мухе» Голдблум играет сумасшедшего ученого, который превращается в человека-муху. А в «Затерянном мире» – ученого, который борется с монстрами. Вы не видите в этом никакого скрытого смысла?

– Противоречие? Вы хотите, чтобы я об этом порассуждала?

– Я хочу, чтобы вы говорили только о своих чувствах.

Аманда постучала ногтем по зубам. Надо же, она так нервничала, что и сама не заметила, как обгрызла его.

– Вы думаете, я встречаюсь с Майклом отчасти потому, что кого-то боюсь, а отчасти потому, что он может решить мои проблемы? Сумеет убить моего монстра? Излечить меня от Брайана? Или что вы имеете в виду?

– Просто меня заинтриговало сравнение с Джеффом Голдблумом.

– Я всего лишь пытаюсь описать вам внешний облик Майкла. Он высокий, темноволосый, приятной наружности, но... типичный такой интеллектуал. Возможно, в нем есть примесь еврейской крови, совсем чуть-чуть.

– Вы думаете, он добрый человек?

Аманда энергично закивала.

– Да, в этом я не сомневаюсь. Я... – Она задумалась, подыскивая нужное слово. – Я чувствую себя с ним спокойно, в безопасности. Рядом с ним мне не нужно притворяться. Я с ним такая, как есть. Настоящая. – Она нахмурилась. – Похоже, я несу чушь?

Максина задумчиво улыбнулась:

– Нет, Аманда. Продолжайте. Что еще?

– Ну, не знаю. Может, это оттого, что Майкл психотерапевт, но мне кажется, будто этот человек видит меня насквозь, а поэтому не имеет смысла его обманывать.

– Обманывать в чем?

Аманда почесала затылок. Ей вдруг стало не по себе.

– Майкл прислал мне утром письмо по электронной почте. На мой рабочий адрес. Оно было...

Она замолчала.

Психотерапевт ненавязчиво подтолкнула ее:

- Какое, Аманда?
- Очень милое!
- И что именно Майкл написал?
- Он написал: «Я не видел тебя целых четыре часа и очень соскучился».
- И вы ответили ему?
- Нет.
- А почему?

Аманда снова принялась грызть ноготь.

- Потому что я... – Она пожала плечами. – Я не знаю, что ему ответить.

– Потому что вы не знаете, какой именно Джефф Голдблум перед вами: то ли человек-муха, то ли победитель монстров. Да?

- Нет, все сложнее.

Максина ждала продолжения, но, когда такового не последовало, сказала:

- В прошлый раз вы мне говорили, что Майкл Теннент вам нравится, но вы не знаете, тянет ли вас к нему. В этом отношении ничего не изменилось?

Аманда неловко дернулась в кресле.

- Видите ли, в чем дело. Я была с Майклом не до конца честной. Я сказала ему, что мы снимаем документальный фильм о психиатрах, но это верно только отчасти. На самом деле мы готовим довольно жесткий, разоблачительный фильм о засилье психотерапии в современном обществе. Это будет серьезный удар по всем психотерапевтам.

Максина Бентам удивленно посмотрела на пациентку:

- Включая и меня?

Аманда отрицательно покачала головой:

- Нет, к вам я отношусь совершенно иначе. – Она закинула ногу на ногу, потом снова села, как прежде, поерзала на сиденье. – Боже, наверное, это звучит ужасно! Это будет фильм о плохих психотерапевтах, Максина, о тех, кто заказывает через Интернет трехмесячный курс обучения, а потом объявляет себя великим целителем, гипнотерапевтом и бог его знает кем еще. Люди идут к ним, верят этим липовым психотерапевтам и в результате принимают важные решения, кардинальным образом влияющие на их жизнь.

Теперь у Максины Бентам был явно встревоженный вид.

- Но доктор Теннент никак не попадает в такую категорию. Он очень знаменит. И его профессионализм не вызывает сомнения.

– Согласна. Однако лечение у психотерапевта – это ведь долгий процесс, верно? Чтобы помочь пациенту, надо встречаться с ним три-пять раз в неделю в течение нескольких лет. И эта его радиопередача – полнейшая профанация. Нельзя превращать психотерапию в шоу. Вот представьте, у человека возникла проблема. Он думает, что можно снять трубку, позвонить на радио и все будет в порядке. Поговоришь десять минут с доктором Майклом Теннентом, и твоя жизнь моментально наладится. Нельзя опускаться до уровня шарлатанов. Блестящий специалист не должен идти на поводу у широкой публики, которая требует быстрых результатов.

Наступило долгое молчание.

- Аманда, вам придется мне помочь, прояснить ситуацию, а то я что-то совершенно запуталась.

Аманда воздела руки:

- Вы запутались? А что уж тогда говорить обо мне? Я, кажется, влюбляюсь в Майкла

Теннента!

Опять эти газонокосилки.

Майкл слышал их шум, треск лопастей, вибрацию металла и время от времени удары о камень.

Газонокосилки были одним из минусов лета. Этот работающий в парке «поезд», старая самоходная газонокосилка «Атко» с прицепленными к ней ротационными насадками, неизбежно приближался в течение целого дня и теперь, в двадцать пять минут шестого, наконец оказался прямо у него под окном.

У Майкла разыгралась мигрень, которую он объяснял недосыпом, хотя, вероятно, и крепкий кофе, который он пил сегодня без счета, тоже сыграл тут свою роль.

«Ну же, садовник, иди домой. Уже почти половина шестого. Неужели тебе нечем больше заняться, кроме как косить траву в больничном парке? Иди домой. Пожалуйста».

Он попытался сосредоточиться на лежавшей перед ним анкете, которую первичным пациентам предписывалось заполнять в приемной.

«Ученая степень: доктор

Имя: Теренс

Фамилия: Гоуэл

Адрес: Глостершир, Челтнем, Ройал-Корт-Уок, д. 97, кв. 6

Телефон: 01973-358006

Семейное положение: вдовец

Род занятий в настоящее время: специалист по коммуникациям

Довольны ли вы своей работой?

Если нет, то чем именно она вас не устраивает?

Где вы живете (собственный дом, квартира и т. д.)?

Вы являетесь собственником жилья или арендуете его (у муниципалитета, домовладельца и т. д.)?

Кто еще живет с вами? (пожалуйста, перечислите)

В чем состоит ваша нынешняя проблема(ы), которую(ые) вы хотите разрешить?

Почему вы решили обратиться за помощью именно теперь?»

Майкл переворачивал страницы. Почти все графы, за исключением самых первых, оставались незаполненными. В своем сопроводительном письме доктор Шайам Сундаралингам упоминал, что этот Гоуэл – доктор технических наук, а не медицины.

– Мультифокальные линзы.

Майкл, чуть вздрогнув, поднял взгляд на своего нового пациента, предполагая, что ослышался.

– Что, простите?

– У вас очки с мультифокальными линзами, доктор Теннент, да?

– Да, – удивленно кивнул Майкл. И поинтересовался: – А что?

Он внимательно разглядывал своего пациента, искал признаки возбуждения или настороженности, подозрительности или растерянности, но Теренс Гоуэл, казалось, ничего подобного не проявлял.

Ни на секунду не отрывая взгляда от врача, он раскованно сидел, откинувшись на спинку дивана, расставив ноги, твердо поставив ступни на пол. Пожалуй, он слишком спокоен,

недоуменно подумал Майкл. Казалось, словно бы пациент, придя в его кабинет, лишь обрел еще бóльшую уверенность в себе. Такое порой случалось; некоторые больные уже при одном только виде врача чувствуют себя лучше.

Майкл рассматривал Гоуэла. Выше среднего роста, великолепно сложенный, очень красивый. С волосами, намаженными гелем, в рубашке без воротника, классическом черном льняном костюме и черных замшевых туфлях от «Гуччи» он выглядел словно бы какой-нибудь высококлассный компьютерщик, принарядившийся для встречи с журналистами.

На первый взгляд новый пациент казался гораздо более нормальным и уверенным в себе, чем большинство входящих в этот кабинет людей. В его низком голосе отчетливо слышался американский акцент. Бостонский, предположил Майкл, хотя специалистом в этом вопросе его было назвать трудно. Единственным небольшим несоответствием, которое бросилось врачу в глаза, был планшет для записей с прикрепленным к нему блокнотом, который Гоуэл принес с собой и положил рядом на диван. Он не походил на человека, который носит с собой планшет. И на типичного ученого он тоже не походил, хотя в Штатах теперь и появилось целое племя самонадеянных профессоров, тесным образом связанных с производством. Видимо, теперь перед Майклом как раз и сидел один из них.

— Даже ненося очки, доктор Теннент, мы многие вещи видим сквозь призмы. Мы, правда, этого не осознаем, но так оно и есть. Вы когда-нибудь смотрите на звезды?

Майкл не понимал толком, куда клонит посетитель, но разговор поддержал:

— Да, случается.

— А вам известно, почему они мерцают?

— Нет, научного объяснения этого я не знаю. Я думаю, тут все дело в огромном расстоянии до них.

— Расстояние тут совершенно ни при чем. Это объясняется влагой, содержащейся в атмосфере. Мы можем видеть звезды только через влагу. А каждая капля — это миниатюрная призма, которая искажает изображение. Мы смотрим на звезды в ночном небе через мириады и мириады призм.

Пока Теренс Гоуэл объяснял все это, Майкл сделал первое заключение о пациенте. Голос того звучал слишком спокойно, искусственно спокойно, но за этим скрывалось огромное напряжение, словно бы говоривший пытался выдать себя за какого-то другого человека, не за того, кем он являлся на самом деле.

— Спасибо за разъяснение, — сказал Майкл, — я этого не знал. — Потом он доброжелательно добавил: — Сегодня вечером я посмотрю на небо новыми глазами.

— Как часто нам в жизни кажется, будто мы видим вещи ясно, хотя на самом деле это не так, доктор Теннент.

— И вы считаете, что это представляет для вас серьезную проблему?

— Не только для меня, но и для всех.

Майкл заглянул в анкету, потом снова поднял глаза на собеседника: надо было как-то направить разговор в нужное русло.

— Вы оставили большинство вопросов без ответа.

— Значит, вы обратили на это внимание?

В голосе Гоуэла послышалось удивление, но Майкл не знал, подлинное оно или нет.

— Да. Вам было неловко отвечать на вопросы?

— Нет.

Гоуэл улыбнулся ему дружеской, обезоруживающей улыбкой.

Майкл продолжал внимательно смотреть на пациента, однако язык тела в данном случае ничего не прояснил. Майкл решил двигаться дальше.

– Хорошо. Теренс, я бы хотел услышать, зачем вам понадобилось встретиться со мной.

– Это ваш «вольво» там внизу? Серебристо-серый?

Майкл помедлил: ему очень не хотелось понапрасну тратить время на разговоры, не имеющие отношения к делу.

– Да, – снисходительно ответил он. – Мы можем вернуться к тому, что привело вас сюда?

– Хороший автомобиль «вольво», надежный, никакие аварии ему не страшны.

Майкл мельком бросил взгляд на фотографию Кейти.

– Я думаю, лучше вообще не попадать в аварии.

Он встретился глазами с Гоуэлом и вдруг почувствовал, что краснеет.

Неужели Гоуэл знает о его трагедии? Вряд ли, хотя Майкл в первые месяцы после гибели жены написал для нескольких газет цикл статей о чувстве утраты, там было много личного. И к тому же пациенты нередко играли с ним в игры разума, правда не на самой первой консультации.

А доктор Теренс Гоуэл сидел на диване в абсолютно расслабленной позе, зная, что Майкл Теннент фиксирует каждое его движение, пытается заметить какие-то симптомы, так сказать, отыскать тоненькие пунктирные линии (с надписью «открывать здесь»), которые выведут его к причинам болезни.

«Ну-ну, доктор Теннент, мечтать не вредно».

Вслух же посетитель сказал:

– Ненавижу коктейльные вечеринки.

– Почему? – спросил Майкл.

– Что «почему»? – изумленно взглянул на него доктор Гоуэл.

– Почему вы ненавидите коктейльные вечеринки?

– Я? С чего вы взяли, что я ненавижу коктейльные вечеринки? – Казалось, пациент совершенно искренне недоумевал.

– Да вы сами только что это сказали.

Доктор Гоуэл нахмурился:

– Я ничего такого не говорил. Я вообще ничего не говорил.

Майкл сделал ручкой «Паркер» (подарок от Кейти на годовщину свадьбы) первую запись в истории болезни. При некоторых заболеваниях люди могут говорить вслух, даже не отдавая себе в этом отчета.

Томас Ламарк с трудом сдержал улыбку. Все будет гораздо проще, чем он предполагал.

«Может быть, ты и умен, доктор Теннент, но ты даже и не представляешь себе, насколько я умнее».

Тина Маккей пока была единственным его промахом. Ничего страшного, конечно, но вполне можно было обойтись и без этого. Он не удосужился предварительно как следует все выяснить, а оказалось, что ее отец – большая шишка, крупный государственный чиновник. Кто бы мог подумать, что исчезновение редакторши вызовет такой переполох.

Что ни день, черт подери, появляется очередная статья в газете. Что думают ее друзья, что думает ее мать, что считает по этому поводу полиция. С каждым днем всеобщее беспокойство усиливалось.

В списке Томаса было шесть редакторов, отвергнувших книгу. Лично его бы устроил любой. Но монета выбрала Тину Маккей.

Он возложил вину на монету.

Ну и кабинет у психиатра – длинный и узкий, как кишка; просто отвратительно. Разве можно работать в таких условиях? Какие уж тут доверительные беседы! Интересно, как этот мозгоправ находит в этом кавардаке то, что ему нужно? Боже, повсюду кипы бумаг, здесь и там разбросаны дискеты, валяются журналы, папки свалены кое-как. Такое чувство, что хозяин кабинета только-только сюда въехал, хотя на самом деле он сидит здесь уже семь лет.

«Ты гораздо, гораздо хуже свиньи, доктор Теннент, и в один прекрасный день – очень скоро – ты завизжишь гораздо громче свиньи.

И это будет еще до того, как я сделаю тебе по-настоящему больно».

Томас хорошенько изучил здание, прежде чем войти. Он побродил вокруг, проверил все выходы, включая пожарные, потом прошелся внутри со своим блокнотом. Он справедливо полагал, что у человека, который расхаживает туда-сюда с планшетом для записей, никто не спросит, что он здесь делает.

Теперь Томас Ламарк знал все лестницы, все коридоры и все двери.

И еще он выяснил, что сегодня пациентов у Майкла Теннента больше нет. Ему не составит труда похитить врача или убить его после приема. Но это было бы слишком легко. Нет, время пока не пришло. У Томаса есть и другие дела.

– Я бы хотел узнать кое-что о ваших родителях, Теренс. Они еще живы?

Вот на этот вопрос пациент отреагировал немедленно: выражение его лица так изменилось, словно бы Майкл коснулся обнаженного нерва.

Однако Гоуэл ничего не ответил.

Майкл видел, что посетитель с трудом сдерживает себя. Его язык тела изменился: только что он был расслаблен, а теперь напрягся, словно опасался чего-то. Гоуэл подался вперед, сцепив руки на груди, потом откинулся назад.

Майкл дал ему минуты две, но поскольку тот по-прежнему хранил молчание, спросил:

– Вам трудно говорить о ваших родителях?

– Мне ни о чем не трудно говорить, доктор Теннент, – ответил Гоуэл, однако вид у него при этом был затравленный.

Ключ к проблемам пациента явно лежал в его детстве, но сегодня Майкл не смог его найти. Все дальнейшие вопросы о родителях заставляли Гоуэла лишь еще больше замыкаться и молча раскачиваться взад-вперед.

Майкл сменил тему, спросив Гоуэла про его работу.

– К сожалению, это засекреченная информация, – ответил тот.

Врач вновь заглянул в анкету.

– Вы вдовец. Мы можем поговорить о вашей покойной жене?

– Вы задаете слишком много вопросов, доктор Теннент.

– Вы возражаете?

– С какой стати мне возражать?

Майкл опять переменял тему:

– А в какого рода помощи вы нуждаетесь? Какую именно вашу проблему я должен решить?

– И все-таки я прав, – заключил пациент. – Вы задаете слишком много вопросов.

Ровно в шесть Майкл пожал руку Теренсу Гоуэлу, и тот сказал ему, что с нетерпением ждет встречи и придет на следующей неделе в это же время.

Майкл закрыл дверь, сел и просмотрел свои записи. Он чувствовал себя не лучшим образом: этот человек вымотал его и сбил с толку. День сегодня выдался долгий.

«Что мне делать с тобой, доктор Теренс? Что, черт возьми, происходит у тебя в голове? Если ты ждешь от меня помощи, то должен мне открыться. Что я узнал о тебе сегодня? На все мои вопросы ты отвечал вопросами. У тебя сильнейшее расстройство личности. Ты упрям. У тебя диктаторские замашки. Ты растерян. Ты неадекватен. Ты определенно маньяк контроля^[9]. Твоя ахиллесова пята – твои родители».

Шум газонокосилки снаружи по-прежнему не утихал. Господи Иисусе, сколько же там травыросло?

Майкл вернулся к сопроводительному письму от лечащего врача Гоуэла. «Клиническая депрессия». Да нет, похоже, дело тут совсем не в депрессии.

И Майкл добавил к записям еще одну, свою собственную аббревиатуру: ПЛР (парень с левой резьбой).

Потом он снова повернулся к компьютеру и в очередной раз – уже чуть ли не в сотый за сегодня – проверил почту. Сердце Майкла радостно екнуло, когда он наконец увидел ответ от Аманды Кэпстик. Ее письмо оказалось еще короче, чем его собственное: «И я тоже скучаю».

Детектив-констебль Гленн Брэнсон внимательно рассматривал новехонький спортивный «ягуар» с откидным верхом, который ехал по набережной в противоположном ему направлении – в сторону Брайтона; крыша у машины была сложена, «дворники» скользили по сухому лобовому стеклу, мигала аварийная сигнализация.

Но в первую очередь внимание полицейского привлек водитель: мальчишка-латинос, который бросил на него явно испуганный взгляд. Да, Гленн сегодня был в штатском и ехал на обычном автомобиле, однако если парень был из числа местных уголовников, то наверняка знал характерные приметы его машины: марку, цвет, тип антенны. Гленн отметил, что водитель не пристегнут.

Гленн служил в полиции недавно, но успел завоевать уважение и симпатии коллег; хотя он и был начинающим детективом, однако зеленым юнцом его назвать было никак нельзя – в полицию он поступил довольно поздно, в возрасте двадцати девяти лет. Два года проработал констеблем – сначала в пешем патруле, потом в автомобильном, после чего подал заявление о переводе в уголовный розыск, и его просьбу удовлетворили. Два года новичка, как и полагается, держали на испытательном сроке, по истечении которого Гленн прослужил еще год в качестве временно исполняющего обязанности детектива-констебля, а затем, всего лишь два месяца тому назад, прошел дополнительное обучение и с отличием сдал экзамены на звание детектива-констебля.

В прошлой жизни Гленн десять лет проработал вышибалой в ночном клубе. Он был высокий, плотный, чернокожий, с головой лысой, как метеорит. Даже самые отчаянные посетители не решались с ним спорить, а работа в клубе оплачивалась так хорошо, что он долго не желал ее бросать. Но после рождения сына, малыша Сэмми, Гленн набрался мужества и решил изменить свою жизнь. Он хотел, чтобы сын им гордился. Чтобы мальчику не приходилось говорить людям, что его отец – вышибала.

Обычно Гленн излучал уверенность, однако сейчас сказывалось нервное напряжение последних недель, эти экзамены его порядком вымотали. Ему приходилось запоминать огромные объемы информации, и Гленн боялся оплошать. За время работы в полиции Брэнсону случалось видеть, как незначительная процедурная ошибка может привести к катастрофическим последствиям. В кинофильме «Шторм-10» Кирк Дуглас, цитируя Эйнштейна, говорил: «Дьявол кроется в деталях». И хороший полицейский должен всегда учитывать детали.

Гленн был честолюбив и хотел достигнуть определенных карьерных высот. Он подсчитал, что годам к сорока пяти сможет стать инспектором или даже старшим инспектором. И ему хотелось, чтобы его сын Сэмми мог говорить окружающим: «Мой отец – старший инспектор!»

«И я дослужусь до старшего инспектора, Сэмми, я тебе обещаю».

Вплоть до этой минуты день у Гленна шел хорошо. Шеф похвалил его за одно небольшое расследование. Подозреваемый – вор, специализирующийся на краже ювелирных изделий, – отрицал, что в день ограбления магазина находился в Брайтоне, и предъявил алиби: нашелся свидетель, который под присягой подтвердил, что этот человек весь день провел вместе с ним в Лондоне. Гленн отыскал мобильный телефон подозреваемого, зарегистрированный на подставное лицо. Изучив распечатку, предоставленную полиции мобильным оператором, он

установил, что с этого номера до и после ограбления было сделано два звонка из Брайтона.

А если Гленн сейчас задержит угонщика машины, то это станет еще одним дополнительным плюсом в его послужном списке. Сегодня он собирался опросить хозяев ограбленной ночью квартиры. На это уйдет не больше часа, и Гленн надеялся ровно в четыре закончить свою смену, чтобы успеть в кинотеатр «Герцог Йоркский» на сеанс в шестнадцать сорок пять – там сегодня демонстрировали «В порту», фильм 1950-х годов, который он никогда не видел на большом экране. Интересы Гленна не ограничивались работой и семьей; у него имелось увлечение – он с упоением смотрел старые фильмы.

Он развернулся, нажал на газ, обогнал две машины и поехал следом за «ягуаром». Водитель явно вел машину очень неуверенно. Гленн надавил кнопку радиосигнала на автомобильной рации и сказал:

– Говорит чарли-отель-один-четыре-четыре.

В ответ раздался женский голос – диспетчера с центрального пульта:

– Чарли-отель-один-четыре-четыре, слушаю вас.

Водитель «ягуара» продолжал ехать, не замечая хвоста и явно с трудом справляясь с машиной, «дворники» по-прежнему елозили по стеклу.

– Я преследую спортивный «ягуар», подозреваю, что машина в угоне. Цвет темно-синий, номер ромео-пять-два-один янки-ноябрь-виктор; следует в западном направлении по Хоув-Кингсуэй. Пусть патрульные проверят его.

– Спортивный «ягуар», темно-синий, номер ромео-пять-два-один янки-ноябрь-виктор. Спасибо, чарли-отель-один-четыре-четыре.

Потом он услышал в рации бодрый мужской голос: это дежурный по району Рэй Данкли – Гленн пару раз встречался с ним – давал задание констеблю:

– Чарли-отель-один-шесть-два, тут поступил звонок из жилого комплекса «Полумесяц Аделаиды», от жительницы третьего корпуса. Женщину беспокоит, что ее пожилую соседку не видно вот уже три дня. Соседку зовут Кора Берстридж.

Гленн наострил уши. Он нащупал на поясе свою рацию, отстегнул ее, поднес к губам:

– Извини, что вмешиваюсь, это чарли-отель-один-четыре-четыре. Речь идет об актрисе Коре Берстридж? О той самой Коре Берстридж?

– Думаю, да.

– Я знал, что она живет где-то поблизости! Я сейчас как раз еду в «Полумесяц Аделаиды» для опроса свидетелей, в пятнадцатый корпус, могу заодно и в третий заглянуть.

– Охота тебе заморачиваться? Патрульный констебль зайдет туда сегодня.

– Ничего, мне не трудно!

– Ну, коли так, то спасибо за помощь, чарли-отель-один-четыре-четыре. А то у нас сегодня на одну машину меньше.

Гленн испытал настоящий восторг.

– Сама Кора Берстридж! Черт побери! Она чудо! Ты не видел ее «Реку возможностей» с Робертом Донатом и Кэри Грантом? Фильм пятьдесят второго года?

– Я тогда еще не родился. Я не такой старый, как ты, Гленн.

– Очень смешно.

– Соседка тебе откроет: миссис Уинстон, квартира номер семь.

Не успел Гленн отпустить кнопку рации, как заговорило автомобильное радио – он услышал голос женщины-диспетчера, которая передавала описание «ягуара». Еще через минуту он свернул к «Полумесяцу Аделаиды», а «ягуар» продолжил движение к центру

Брайтона. Либо парнишка чист, либо собирается смешаться с толпой, вместо того чтобы пытаться оторваться от полиции.

Гленн припарковал машину почти точно против нужного корпуса. Перед ним был «Полумесяц Аделаиды»: ряд величественных классических зданий в стиле Регентства. Портики с колоннами, высокие окна, белая краска повсюду выцвела и облупилась — следствие безжалостного воздействия морского воздуха. Гленн подумал, что этот выцветший монументальный дом как нельзя лучше подходил звезде былой эпохи вроде Кору Берстридж. Комплекс выглядел по-настоящему стильно.

Гленн ощутил трепет, к которому примешивалось чувство вины. Это не слишком профессионально, он здесь по долгу службы, должен проверить сигнал и, если что-то не так, действовать независимо от личности потерпевшей. Но для него ее личность, конечно, имела значение.

Шутка ли, сама Кора Берстридж!

Он мог без запинки перечислить все сорок семь фильмов с ее участием. «Безопасное прибытие», «Монахский люкс», «Забыть мистера Дидкоута», «Мелодия пустыни». Комедии, мюзиклы, триллеры, мелодрамы. Она была такой талантливой, такой красивой, такой элегантной и остроумной. Гленн совсем недавно видел Кору Берстридж в очередном сериале, и она по-прежнему выглядела великолепно и играла прекрасно. А вечером в понедельник по телевизору показывали, как ей вручали премию Академии кино и телевидения «За выдающийся вклад в искусство кинематографии». Она там еще произнесла речь, несколько разочаровавшую Гленна. Но не стоит судить ее строго: небось бедняжка растрогалась, услышав в свой адрес столько хвалебных слов.

Он прикинул — Коре Берстридж сейчас, вероятно, было лет шестьдесят пять. Удивительно хорошо она сохранилась. Гленн посмотрел на окна здания и почувствовал комок в горле. Он отчаянно надеялся, что с ней не случилось ничего страшного.

Гленн позвонил в квартиру номер семь. Миссис Уинстон встретила его на третьем этаже: приятная женщина лет семидесяти с лишним, с изящно уложенными седыми волосами.

Квартира Кору Берстридж находилась напротив. У стены возле двери стояли два букета. В темном коридоре витали запахи плесени и кошачьей мочи — изнутри дом производил не столь благоприятное впечатление, как снаружи: все здесь потемнело от старости и сильно смахивало на зал ожидания какого-нибудь провинциального железнодорожного вокзала.

— Эти цветы прибыли сегодня, — сообщила миссис Уинстон. — Еще восемь или девять букетов принесли вчера, я их положила к себе в ванну, чтобы не завяли. А вчера и сегодня утром мне пришлось также забрать ее молоко.

— Я полагаю, вы пытались звонить соседке? — спросил полицейский.

— Да. В последний раз совсем недавно. И я не только звонила, но и стучала.

Гленн наклонился и заглянул внутрь, в квартиру Кору Берстридж, через щель почтового ящика. Он увидел на полу множество конвертов. Осторожно, чтобы не пугать миссис Уинстон, он потянул носом воздух. И уловил слабые признаки запаха, который свидетельствовал о непоправимом. Спазм страха сжал желудок: Гленн хорошо знал этот приторный запах протухшей рыбы.

И еще он слышал жужжание мух.

Полицейский встал, вытащил блокнот и задал миссис Уинстон несколько стандартных вопросов. Когда она в последний раз видела Кору Берстридж? Не слышала ли она какого-

либо подозрительного шума? Часто ли к актрисе приходили гости? Много ли у нее прислуги?

Последний вопрос удивил миссис Уинстон, которая ответила ему, что Кора Берстридж жила весьма небогато. Откуда бы взяться многочисленной прислуге? К ней раз в неделю – по пятницам – приходила убираться женщина. И все.

– Я думал, она очень богата, – сказал Гленн.

– Нет, какое там. В последние десять лет Кора Берстридж почти не снималась. Я думаю, она несколько раз неудачно вложила деньги, да еще вдобавок ее последний муж был игроком.

Гленн спросил, есть ли какой-нибудь другой вход в квартиру, и соседка показала ему пожарную лестницу с противоположной стороны здания. Потом он убедил пожилую даму вернуться к себе: не хотел, чтобы она увидела то, что, как он полагал, обнаружит в квартире.

Он связался с дежурным сержантом патрульного отделения, сообщил факты и получил разрешение взломать дверь. Потом проверил пожарную лестницу – шаткое металлическое сооружение; лестница эта вела к массивной проржавевшей двери, но добраться с нее до какого-либо из окон было невозможно.

Гленн вернулся к входной двери в квартиру, несколько раз нажал на кнопку звонка, постучал, а потом еще для вящей уверенности громко позвал хозяйку через щель почтового ящика.

Увидев, какой современный и надежный у Кору Берстридж замок, Гленн понял, что бессмысленно даже пытаться открыть его отмычкой. Пожалуй, тут придется применить грубую силу. Он попробовал слегка надавить плечом, потом уже со всего размаха ударил правой ногой. Дверь чуть подалась, но замок выдержал. Он подумал, не вызвать ли бригаду со специальным тараном, но побоялся, что в таком случае сам останется не у дел. И поэтому продолжил бить по двери ногой.

Вскоре соседи забеспокоились: стали открываться другие двери, слышались голоса. Какой-то молодой человек в футболке и шортах поднялся на площадку и озадаченно остановился, увидев вспотевшего от напряжения незнакомца в строгом сером костюме.

– Полиция! – сказал Гленн, чтобы успокоить его.

На лице парня отразился ужас, и он бросился вниз. Небось хранит дома наркотики, надо будет потом проверить. Гленн продолжал свои попытки проникнуть в квартиру.

Наконец замок поддался, но дверь открылась всего на несколько дюймов – изнутри была наброшена цепочка. Цепочка оказалась надежной, и Гленну пришлось нанести еще несколько сильных ударов, прежде чем дверь распахнулась. Он вошел внутрь, закрыл как смог за собой дверь, чтобы не заглядывали любопытные, после чего остановился, борясь с приступом тошноты: ну и запах. Потом вытащил из кармана резиновые перчатки.

Гленн стоял в маленьком коридоре. На одной стене висели две симпатичные картины, изображающие парижские улицы, а на противоположной – две театральные афиши в рамочках. На одной были запечатлены Кора Берстридж и Лоуренс Оливье в спектакле «Время и семья Конвей», театр «Феникс» на Чаринг-Кросс-роуд; а на другой – Кора Берстридж, Анна Мэсси и Тревор Ховард в спектакле «Веер леди Уиндермир», театр «Ройал» в Брайтоне.

Несмотря на тревогу, он не мог не ощущать душевного трепета, оказавшись в доме одной из величайших актрис современности. Было тут нечто такое – он и сам не смог бы толком сформулировать, что именно, – вызывавшее у Гленна чувства, неведомые ему прежде. Здесь ощущалась атмосфера волшебства, словно бы ты попал в какой-то иной мир, стал членом закрытого клуба, куда имели доступ только богатые и знаменитые. Гленн думал о том, как расскажет об этом вечером своей жене Ари. Она ни за что не поверит, что он был в квартире

самой Кору Берстридж!

Потом тревога вернулась с новой силой. Осторожно переступив через конверты на полу, он вошел в просторную гостиную; шторы на окнах были задернуты не полностью. О стекло бились две жирные мухи. Гостиная была обставлена в стиле ар-деко. Здесь было столько старых театральных и киноафиш, что Гленну показалось, будто бы он перенесся на машине времени в прошлое. На самом видном месте над камином висело забранное в рамочку письмо от принцессы: та благодарила Кору Берстридж за проведение вечера Детского благотворительного фонда.

Не квартира, а настоящий музей, столько здесь всего!

В углу комнаты стоял письменный стол, на котором настойчиво мигал автоответчик. Подойдя к телефону, Гленн увидел записку, придавленную стеклянной статуэткой русалки в стиле ар-деко. Текст был написан трясущейся рукой синими чернилами: «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало». Подписи не было.

Гленн несколько раз перечитал записку и вдруг понял, что борется уже не с тошнотой, а со слезами. Треск рации вернул его к реальности.

– Чарли-отель-один-четыре-четыре?

Он нажал кнопку микрофона:

– Чарли-отель-один-четыре-четыре, прием.

Это был сержант из его подразделения.

– Гленн, не мог бы ты осмотреть контейнер, который вскрыли в порту, на причале Олдрингтон?

– Я сейчас в квартире Кору Берстридж. Боюсь, мне придется здесь задержаться.

– Она собирается показывать тебе свои фильмы? – пошутил сержант.

– Не думаю, – мрачно ответил Гленн.

Он вернулся в коридор и пошел по длинному проходу. Смрад становился все сильнее, а жужжание мух – все громче. Запах, казалось, изменял плотность самого воздуха, утяжелял его.

«Не дыши – ты дышишь смертью!»

Он замедлил шаг, приближаясь к приоткрытой двери в конце коридора.

Остановился перед ней. В комнате за дверью было темно, но Гленн знал: Кора должна быть там. Просунув руку внутрь, полицейский нащупал выключатель, щелкнул им и толкнул дверь.

Комнату наполнил свет большой люстры и бра, выполненных в одном стиле – ар-деко. Тисненные обои. Пушистые тапочки на белом ковре. На большой кровати одинокая фигура, лицом к стене, на волосах что-то блестящее: он сперва подумал, что шапочка для душа. Над головой женщины жужжали мухи, а на шторах их было еще больше. Кора Берстридж лежала, вытянув руки над одеялом, из рукавов ее розового атласного халата торчали пальцы. Даже от двери Гленн видел, какие они синие.

Он вдохнул, несмотря на ужасающий смрад, прошел мимо туалетного столика с зеркалом, по всему периметру которого размещались лампочки, и оказался по другую сторону кровати – он хотел увидеть ее лицо.

И вот тут-то Гленн и потерял самообладание.

На Коре была не шапочка для душа, а фирменный полиэтиленовый пакет из магазина «Уэйтроуз», надетый целиком на голову и плотно обхваченный на шее поясом от халата; пояс был завязан несуразным бантиком.

Рукой в перчатке Гленн развязал узел, чтобы увидеть ее лицо. Целый рой мух взвился в воздух. Он смотрел на нее. Онемевший, ошеломленный, он смотрел на великую Кору Берстридж, на ее открытый, словно в беззвучном крике, рот. Синевато-черное лицо. По тому, что осталось от губ и глаз, ползают личинки.

Глен отвернулся, потрясенный, подавляя рвоту.

«Нет, Кора! Нет-нет-нет! Почему ты это сделала? Господи Иисусе, зачем?»

Позднее она скажет своей подружке Сэнди, что все это время ошибалась, принимая покупателя, который неизменно подходил к ее кассе и смотрел таким странным взглядом, за другого человека, актера Лайама Нисона. Это был вовсе даже не он!

Но ведь этот мужчина вполне мог оказаться Нисоном. На прошлой неделе она видела здесь Пэтси Кенсит, пару месяцев назад – Лиз Херли, а еще раньше, перед Пасхой (правда, тут стопроцентной уверенности у нее не было), – Билли Конноли. Звезды пачками приходили сюда, в супермаркет «Сэйфуэйз» на Кингс-роуд, но по какой-то причине всегда направлялись к другим кассам.

Но теперь она подняла глаза и снова увидела его. Неужели все-таки Лайам Нисон? Поскольку этот мужчина всегда расплачивался наличными, она не могла прочесть его имя на банковской карте. Он приветливо улыбался девушке. На нем были желтая рубашка поло, застегнутая на все пуговицы, и коричневый пиджак от «Армани».

– Привет, Трейси, – сказал он кассирше, как обычно.

И она, как обычно, покраснела. Покупатели иногда называли ее по имени – его легко можно было прочесть на бейджике, прикрепленном к лацкану ее форменного халата, но голос этого человека звучал как-то особенно, с безукоризненным британским выговором, и ее имя он тоже произносил как-то необычно. И Трейси вдруг забыла: а Лайам Нисон, он кто – англичанин или американец?

– Я собираюсь приготовить крабовый суп по-бразильски, – проговорил он и показал на выложенные в невероятно ровную линию продукты, которые ждали своей очереди по другую сторону таблички с надписью «Следующий покупатель». Такое чувство, что он буквально выверил все с помощью линейки. – Это для моей подружки.

Ему понравилось, как кассирша кивнула ему, признавая, что у него есть подружка, что он не печальный одиночка, пытающийся завязать с ней разговор. И говорить, что у него есть подружка, тоже было приятно. Он вдруг почувствовал себя обычным человеческим существом. И поинтересовался:

– Вы когда-нибудь ели крабовый суп по-бразильски?

Девушка поморщилась, нажала кнопку, и конвейерная лента поехала.

– Я не очень люблю крабов – мне не нравится, как они выглядят.

– Моя мать тоже не любила крабов, – заметил он. – Она их просто ненавидела. Запрещала покупать, даже консервированных.

– Я не возражаю против крабового паштета, – сказала Трейси. – В сэндвичах.

Первой к кассе подъехала бутылка со свежавыжатым апельсиновым соком. Трейси поднесла ее к устройству для считывания штрихкода, потом дала Томасу Ламарку несколько пластиковых пакетов. Затем настала очередь четырех авокадо и упаковки местных помидоров.

– Английские помидоры самые лучшие, – заявил покупатель. – Некоторые импортные помидоры облучают, чтобы убить бактерии. Вы это знали?

Девушка отрицательно покачала головой.

– С радиацией шутки плохи, Трейси. Это может привести к генным мутациям. Вы боитесь радиации?

Она настороженно посмотрела вверх, словно проверяя, не облучает ли ее какой-нибудь

невидимый прибор. И сказала:

– Я тоже люблю английские помидоры.

Так, а теперь крабы. Они были в белом пластиковом пакете, и Трейси не видела этих мерзких существ, но девушку все равно пробрала дрожь, когда она подносила влажную этикетку со штрихкодом к сканеру.

Томас сочувственно смотрел на кассиршу. И внешне, и манерой говорить она напоминала ему Лиз, девушку, с которой он недолго встречался, когда учился на медицинском факультете. Он вспомнил, как однажды привел Лиз домой и познакомил с матерью, а мать дала ему понять, что эта девица ему не пара.

У бедняжки Лиз и впрямь было множество недостатков. Излишне худенькая малышка с пушистыми светлыми волосами и хорошеньким, но пустым личиком; да и зубы у нее были так себе – кривоватые и неухоженные. За неделю до того, как они расстались, он увидел, что у нее на колготках спустилась петля. А еще раньше заметил, что воротничок ее блузки истрепался.

– Вы читали, что Кора Берстридж умерла? – спросил Томас.

– А кто это?

– Актриса. Кора Берстридж. Во всех утренних газетах написано.

Трейси отрицательно покачала головой – нет, не читала – и поднесла к сканеру упаковку куриных яиц. А потом вдруг встрепенулась:

– Это та, которая в понедельник получила награду?

– Да, «За выдающийся вклад в кинематограф».

– А, ну тогда знаю. Умерла, стало быть? Бедняжка. – Кассирша издала нервный смешок. – Несправедливо как-то – получить премию и умереть, правда?

До конца конвейера добрались четыре плода манго.

– А вам нравятся фильмы с участием Глории Ламарк?

– Кого?

– Глории Ламарк, – тихо повторил он.

– Никогда про такую не слышала.

Трейси молча продолжила пробивать товары, а потом помогла ему уложить все покупки в пакеты. И тут, к удивлению кассирши, он протянул ей банковскую карту. Она прочла имя: Теренс Гоуэл.

Пока кассовый аппарат печатал чек, Томас вытащил из кармана монету, подбросил ее, накрыл ладонью и поинтересовался:

– Орел или решка?

Девушка недоумевающе взглянула на него, пожала плечами и ответила:

– Решка.

Он посмотрел – решка. Вернул монету в карман.

– А вы везучая, Трейси. Сегодня ваш день.

Томас вытащил из кармана тоненький белый конверт и протянул его кассирше:

– Возьмите и уберите – откроете позднее.

Удивленная и смущенная, она неловко взяла конверт и положила его на полочку под кассовым аппаратом.

– А что это?

– Потом посмотрите.

Он подписал чек, погрузил покупки в тележку и покатил ее к выходу.

Трейси проводила его взглядом. Других покупателей у ее кассы не было, поэтому она спокойно могла смотреть ему вслед. Значит, Теренс Гоуэл. А вовсе никакой не Лайам Нисон. Интересно, что в конверте? Станный покупатель встал на тротуаре со своими пакетами, остановил такси.

«У Лайама Нисона, – подумала она, – наверняка есть личный шофер».

Девушка огляделась по сторонам. Покупателей к ней по-прежнему не было, никто на нее не смотрел. Такси отъехало, и теперь можно взять конверт. На нем было написано ее имя – Трейси.

Она открыла конверт. И – ничего себе! – обнаружила внутри четыре банкноты по пятьдесят фунтов и записку: «Спасибо, что всегда приветливо улыбались мне, – с Вашей стороны это очень добрый поступок. Купите себе что-нибудь в подарок. В нашем мире так мало доброты».

Снаружи дом номер четырнадцать по Провост-авеню не представлял собой ничего особенного – скромный, стоящий особняком дом 1930-х годов с провинциальным фасадом в стиле тюдоровского Возрождения, похожий на своих соседей в этом тихом пригородном болоте Барнса, что в юго-западном Лондоне, всего в нескольких сотнях ярдов от Темзы и в двух-трех милях от Шин-Парк-Хоспитал, где находился кабинет Майкла. Однако внутри все полностью перестроили, разделив жилое пространство, располагавшееся на нескольких уровнях, на три помещения. В первом были расставлены кресла, в одном из которых теперь и сидела Аманда, пока Майкл кашеварил на кухне. В другом стоял перед телевизором удобный полукруглый диван. А в третьем размещалась столовая, оборудованная в стиле хай-тек.

Из кухни исходил умопомрачительный запах.

На полках стояло множество трехмерных пазлов-головоломок. Стены, белые, словно в больнице, были увешены современной живописью – картинами небольшого размера. Здесь были и замысловатые абстрактные полотна, некоторые с какой-то дьявольской аурой, и другие, повеселее, выполненные в ярко-синих тонах, – точь-в-точь такого же цвета был кафель в бассейне в Хокни.

«Интересно, – спрашивала себя Аманда, какие предметы обстановки отражают вкус Майкла, а какие – его покойной жены?»

Он сказал ей, что все пазлы собрал сам. А вот кто приобрел картины? Отчасти они ей даже нравились, поскольку интриговали, являя собой смесь контрастов, как и сам хозяин квартиры.

Аманде отчаянно хотелось узнать о Кейти побольше, но она интуитивно чувствовала, что лучше эту тему не поднимать. Во время их предыдущих встреч Майкл демонстрировал явное нежелание говорить о покойной жене. Наверное, до сих пор не мог примириться со своей потерей или чувствовал себя виноватым. Самое заметное место в комнате занимала фотография Кейти, стоявшая на полке симпатичного современного камина.

Аманда встала и с бокалом вина в руке подошла поближе. Внимательно вгляделась – цветной снимок в серебряной рамке. На Аманду с фотографии смотрела привлекательная блондинка с волосами до плеч; она сидела на красном мотоцикле, сдвинув на лоб солнцезащитные очки.

Аманда всмотрелась в ее лицо. Красивая женщина, но было в ней что-то такое... холодность, самомнение... чуть ли не жесткость.

Она вдруг призадумалась: «Интересно, чувствовали ли люди, которым суждено было умереть молодыми, что они обречены?»

Майкл только час назад принял душ, но весь уже раскраснелся, покрылся потом. В кухне, которая утром выглядела безупречно, теперь царил хаос.

«БОЖЕСТВЕННЫЙ ВКУС, ПРОСТО РАЙСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ!» – так и кричал заголовок кулинарной странички. Ниже было напечатано: «МОРСКИЕ ГРЕБЕШКИ НА ШАМПУРАХ ПОД ИЗЫСКАННЫМ БАЗИЛИКОВЫМ СОУСОМ».

Фотография готового блюда была заляпана бальзамическим уксусом, который Майкл случайно разлил. Несколько недель назад он выдрал из «Таймс» кулинарную страничку, и теперь она лежала перед ним на кухонном столе. Так, вроде все ингредиенты есть. Он снова

перечитал рецепт.

И ощутил легкую панику.

Четыре больших свежих морских гребешка. Оливковое масло. Листья базилика. Четыре ломтика ветчины прошутто. Один зубчик чеснока. Один небольшой помидор. Бальзамический уксус. Смесь зелени и свежих трав. Белые и розовые лепестки роз. Два деревянных шампура.

На фотографии все смотрелось очень соблазнительно, однако воссоздать такую красоту невозможно. Ну просто не еда, а цветочная выставка в Челси. Даже его деревянные шампуры выглядели хуже, чем на снимке.

И как всегда, самое главное в рецепте не указали. Нужно запекать морские гребешки, уже завернув их в прошутто, или же ветчину следует добавить потом?

Он быстренько позвонил матери, которая была прекрасной кулинаркой, и тихим голосом, чтобы не услышала Аманда, спросил у нее совета. Мама ничего не знала про этот рецепт, но предположила, что нужно запечь гребешки отдельно, однако тут же передумала, а потом снова стала склоняться к первому варианту. Майкл пожалел, что вообще связался с гребешками. Надо было выбрать какое-нибудь проверенное блюдо – перцы с анчоусами или гаспачо с креветками.

Еще со студенческих времен Майкл вырезал из газет и журналов рецепты, покупал все необходимые ингредиенты и увлеченно экспериментировал. Однако в последние три года его энтузиазм пропал – готовить для себя одного было неинтересно. Пока была жива Кейти, вечером в субботу, если только они никуда не ходили, Майкл обычно готовил ужин сам. Они оба любили вкусно поесть.

После смерти жены Майкл по большей части перебивался на работе столовскими обедами, а дома разогревал в микроволновке полуфабрикаты из супермаркета.

Но теперь ему снова было для кого готовить, и он еще в среду начал обдумывать сегодняшнее меню. Было бы гораздо проще пригласить Аманду в ресторан, но он хотел показать ей себя с этой стороны – гордился своим кулинарным искусством.

Кто бы мог подумать, что у него вдруг сдадут нервы.

Он недавно прочел любопытную статью в «Вестнике психологии». Женщины значительно выше ценят мужчин, умеющих готовить, и считают их более сексуальными. Отголоски древних представлений, когда мужчина был добытчиком. Сквозь куцую камуфляжную сетку цивилизации проступают наши первобытные корни.

Майкл усмехнулся, представив, как бы отреагировала Аманда, если бы он встретил ее у дверей в набедренной повязке, размахивая деревянной дубинкой. Он натянул специальные матерчатые варежки и проверил ягнятину с розмарином под красносмородиновым соусом. Оладьи из картофеля с пастернаком, свежий горошек и сдобренное специями морковное пюре уже были готовы и стояли в подогревочном отсеке духовки.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

«Леди в красном» (*англ.*) – песня английского автора и исполнителя Криса де Бурга, посвященная его жене. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Цитата из сатирической поэмы английского поэта Александра Поупа (1688–1744) «Дунсиада».

В Великобритании набор кода 141 перед телефонным номером не позволяет абоненту определить, откуда ему звонят.

Шекспир У. Мера за меру. Перев. М. А. Зенкевича.

Шекспир У. Мера за меру. Перев. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Менса – крупнейшая, старейшая и самая известная некоммерческая организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта.

«Джорджия в моих мыслях» (*англ.*) – американская песня, написанная в 1930 году Хоги Кармайклом и Стюартом Горреллом; с 1979 года официальный гимн штата Джорджия.

Шекспир У. Король Лир. Перев. Б. Л. Пастернака.

Маньяк контроля – неформальное название психического расстройства, связанного с навязчивым желанием управлять всем, что происходит вокруг.